

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

РАЗБИТЫЕ ОСТРОВА

ЛЕГЕНДЫ КРАСНОГО СОЛНЦА

Книга 4

МАРК ЧАРАН
НЬЮТОН

18+

Легенды красного солнца

Марк Ньютон
Разбитые острова

«Азбука-Аттикус»

2012

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

Ньютон М. Ч.

Разбитые острова / М. Ч. Ньютон — «Азбука-Аттикус»,
2012 — (Легенды красного солнца)

ISBN 978-5-389-12437-0

Великолепное завершение серии «Легенды красного солнца». Впервые на русском языке! Война затопила Бореальский Архипелаг – две непримиримые культуры перенесли свою вечную битву в это пограничное пространство. Вдохновленный военной победой, командующий Бринд Латрея планирует восстановить город Вилларен, но сталкивается с нелегким выбором. Есть дружественные силы, которые, за неимением другого выбора, встанут на сторону его народа в назревающем конфликте, помогут построить мосты и предоставят загадочные технологии, способные удовлетворить амбиции военачальника. Но жители Вилларена с подозрением относятся к иностранцам, стекающимся в их город, напряженность растет, и даже мечта о мирном будущем не способна сгладить разницу в мировоззрении. Тем временем Виллджамур лежит в руинах, а его небо закрыто чудовищными летающими островами из другого мира. Инквизитор Фулкром оказывается тем, кому выпало руководить эвакуацией населения на побережье. Угроза массовой гибели людей превращает этот исход в гонку со временем. Наконец древние цивилизации выходят на поле боя. Гротескные существа из другого мира и потенциальный бог, призванный отнюдь не молитвами, ходят среди людей, и близится час, когда последняя битва решит судьбу мира, освещенного красным солнцем.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-12437-0

© Ньютон М. Ч., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

Пролог	7
Глава первая	12
Глава вторая	20
Глава третья	27
Глава четвертая	37
Глава пятая	46
Глава шестая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Марк Чаран Ньютон

Легенды красного солнца.

Кн. 4: Разбитые острова

Mark Charan Newton

The Broken Isles

Legend of the Red Sun

Copyright © Mark Charan Newton 2012

The right of Mark Charan Newton to be identified as the author of this work has been asserted by him in accordance with the Copyright, Designs and Patents Act 1988.

All rights reserved

First published 2012 by Macmillan, an imprint of Pan Macmillan, a division of Macmillan Publishers International Limited

© Н. Маслова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

«Разбитые острова» – лучшее завершение серии, какое когда-либо приходилось читать. А великолепные персонажи Марка, интригующее повествование и умелое разрешение сложных вопросов всегда были присущи его работе.

Fantasy-Faction.com

Пролог

Джеза верхом выехала из города и одна направилась вдоль побережья.

Стояло совсем еще раннее утро, голова гудела с похмелья. Джеза кляла себя за то, что накануне налакалась дешевого пойла, от которого теперь плохо соображала, и за то, что потеряла свой кинжал – оставила, наверное, где-нибудь под столом. А еще ей не давал покоя вопрос: действительно ли Дигси, ее парень, заигрывал с кем-то за ее спиной, или она все это нафантазировала? Вечером ей некуда было деться, ведь на заре ей предстоял ранний выезд, зато теперь она могла забыть про его странные взгляды, непонятные жесты и шуточки, которыми он обменивался с другими.

Прошел час с тех пор, как Джеза покинула город; далеко позади остались надежные каменные стены ее дома, Фактории-54, где она обитала с друзьями. Она решила не посвящать их в свой новый план, по крайней мере до поры до времени.

Идущая вдоль берега моря дорога на юг была спокойна. Слева обрывались к воде белые меловые утесы; внизу ворочал камни прибой. Оранжево-красные лучи восходящего солнца прочертили наискосок почти ясное небо. Джеза плотнее укуталась в зеленую шерстяную шаль. На ней были толстые штаны и теплые тяжелые ботинки – подарок Дигси ей на семнадцатилетие, – так что никакой погодный каприз не застал бы ее врасплох. Однако ничего, кроме легкого морского ветерка, в то утро ни самой Джезе, ни ее кобыле не угрожало.

«Когда-нибудь, – думала она, – я буду жить за городом. Буду экспериментировать с реликвиями и проверять свои теории, а не вкалывать за гроши в Виллирене, от которого, кстати, почти ничего не осталось».

Хотя, по правде сказать, город уже начинал приходить в себя. Только вчера вечером Джеза побывала в одной из подземных таверн, тех, что не пострадали во время недавних боев и где уже начинали собираться бандиты. В заведении царил послевоенное оживление: уцелевшие либо были оглушены недавним кровопролитием, свидетелями которого стали, либо испытывали эйфорию от победы; тем и другим море было по колено. Здесь исполняли вполне приличную музыку и всем без исключения наливали плохого вина: а что еще нужно человеку, чтобы сносно провести вечер? Однако забыть обо всем можно было и тут, за городом. Вид разворачивался исключительный. Справа простирались поля, которые, не без помощи культивистов, обеспечивали Виллирену его нынешнее пропитание; среди них были разбросаны фермы, хутора, а за ними леса уступали место тундре. Ближе к горизонту таяли в голубой дымке холмы. Недавние бои обошли эти места стороной: две армии боролись исключительно за город.

Джеза ехала еще не меньше часа. Солнце уже встало. Она вглядывалась в горизонт в поисках обелиска, обозначенного на ее карте, но прошло еще немало времени, прежде чем она увидела черную стрелу, пронзавшую небо.

Подъезжая к обелиску, высотой не меньше пятидесяти футов, она увидела человека, сидевшего у его подножия, и лошадь, щипавшую травку неподалеку. Сердце Джезы забилося чаще. Вообще-то, ей еще не доводилось встречаться с незнакомцами так далеко от города, но у нее были с собой нож и реликвия в рукаве – так, на всякий случай.

«Перестань, – мысленно одернула она себя. – Он простой дикарь, а они вполне мирные люди, что бы там ни болтали о них в городе».

Подъехав ближе и спешившись, Джеза с удивлением обнаружила, что они с незнакомцем одного роста – чуть выше пяти футов. Узкие глаза тепло смотрели с широкоскулого лица; кожа была смуглой, возможно, оттого, что он привык проводить время на воздухе. Длинные черные волосы касались плеч, покрытых темным плащом из вощенной ткани, из-под плаща виднелись такие же штаны.

– Ты Джеза? – спросил он сурово.

– А ты кого здесь ждал? – ответила она.

Он широко улыбнулся:

– Да ты девчонка с характером! Это хорошо. Значит, в дороге будет не скучно.

– Ты хорошо говоришь по-джамурски, – отметила Джеза.

– А ты, конечно, думала, что мы, кочевники, общаемся только дымовыми сигналами? –

Он свистнул, и лошадь – красивая гнедая кобыла, без седла и без украшений – послушно подошла к нему. – Монету принесла?

– Конечно. – Джеза повернулась к своей кобыле и открыла седельную сумку. Вынула тяжелый кошелек и бросила ему.

Он поймал его левой рукой, подкинул, прикидывая вес, заглянул внутрь и только потом спрятал в карман.

– И откуда у такой молодой девушки, как ты, такие деньги? Ничего, что я спрашиваю?

– Работаю. Моя группа кое-что зарабатывает. Мы не чураемся разных людей, продаем свои реликвии всем, кто захочет купить. В том числе культистам, которые, вообще-то, могли бы справляться и сами.

Он смерил ее внимательным взглядом, потом кивнул.

– Я даже не знаю, как тебя зовут, – посетовала Джеза. – Мне не сказали.

– Так лучше. Не хочу, чтобы пошли слухи, будто я осквернил священное место.

– Так, значит, ты тоже работаешь за пределами своего обычного круга? – догадалась Джеза.

– Я один из немногих кочевников, кто осмеливается вести дела с людьми из Виллирена. Для нас это очень смелый поступок.

– А ты не боишься, что твои соплеменники тебя вычислят?

– Все зависит от того, что ты собираешься там делать. Я же не знаю.

– Ничего плохого, не бойся. Мы уважаем веру твоего народа.

– Что ж, я и этого не могу о себе сказать, – улыбнулся кочевник и легко вскочил на спину своей лошади, точно вспорхнул. – Поехали.

Лошади ровной рысью повезли их прочь от моря, к холмам. Солнце стояло высоко, тени стали короче, температура переползла через ноль. Похоже, их путь лежал к скалам, возвышавшимся в некотором отдалении, но кочевник, вначале такой словоохотливый, теперь молчал.

Зато здесь, в тишине, вдали от городской суеты, Джеза смогла сосредоточиться на мыслях о Лиме, которого больше не было с ними. День ото дня она все острее чувствовала его отсутствие. Впрочем, их группа продолжала жить под его руководством, читая его дневники, расшифровывая записи, так что он оставался их лидером, даже уйдя в другой мир. Несомненно, он был самым талантливым из них.

«Хватит, – сказала она себе. – Нечего себя растравлять. У тебя был шанс, но ты им не воспользовалась. К тому же теперь у тебя есть Дигси. Кажется...»

Они миновали хвойный лес, пробрались сквозь заросли тощих кустарников, спустились в тундру и снова начали подъем по каменистой тропе, которая вела в глубину серых скал. С вершин деревьев вспархивали птицы и уносились прочь, скрываясь из виду. В сыром подлеске то и дело разворачивали свои кольца змеи, и Джеза удивлялась тому, как они выживают в таком холоде. Попадались и волки, вернее, их серые тени время от времени среди деревьев.

Плохо представляя себе, с кем имеет дело, Джеза боялась, что ее спутник заманит ее в глушь и бросит на потеху дикарям – ненавистникам Виллирена, но ничего такого не слу-

чилось. Лесистый склон остался позади, теперь их окружали лишь серые скалы. На их вершинах лежал снег, но здесь, внизу, все было голо.

И хорошо, ведь теперь их лошади шли по тропе, ширина которой едва ли превышала ширину плеч взрослого мужчины, а по левую руку был обрыв. Джеза пригнулась к шее своей кобылы, чувствуя, как сердце уходит в пятки всякий раз, стоит ей бросить взгляд в сторону пропасти.

– Далеко еще? – спросила она нервно.

– Эх ты, трусиха! – засмеялся кочевник. – Что, в городе такого не увидишь? Ладно, близко уже. Кстати, ты свет принесла, как я просил?

– Световую реликвию? Да, захватила парочку.

– Хорошо. Скоро пригодятся.

Подталкиваемые ветром, они подъехали к устью пещеры – дыре футов в двадцать высотой. Девушка оглянулась: с гор открывался великолепный вид. Обелиск взмывал теперь над краем берега к небу, а по обе стороны от него плавно холмились поля. Перед ней же лежала лишь пещерная тьма.

– Лошадей оставляем здесь, – буркнул провожатый.

Спешившись, Джеза полезла в седельную сумку за реликвией. Это был кристалл величиной с кулак, который она насадила на узорчатый медный стержень. Девушка с силой ударила кристаллом по камню, и он вдруг стал излучать свет. Не будучи настоящей культисткой, она не знала правильного названия этой штуки. Да и какая разница – светит она, как факел, потому и зовется так же.

– Я впечатлен, – признался кочевник. – Неси его сюда.

Они вошли в пещеру. Свет факела выхватывал из темноты гладкую белизну каменных стен, на которых кое-где виднелись отметины, похожие на письма.

Чем дальше, тем шершавее и темнее становился камень, тем чаще его окрашивали вкрапления минералов и потеки воды. Постепенно путь пошел под уклон, сырость и темнота усилились. Вдруг узкая тропа, по которой они шли до сих пор, расширилась, и они оказались у входа еще в одну пещеру.

– Что это за место? – спросила Джеза.

– Вроде захоронения. Можешь сделать свой факел совсем ярким, как солнце?

– Ну, это не так уж ярко, но могу. – Она дважды стукнула кристаллом о стену и направила вперед луч.

Пещера осветилась.

Кочевник сразу же принялся читать что-то на стене. Хмыкнул, точно в подтверждение каким-то своим мыслям, и ткнул пальцем в стену:

– Это наскальные рисунки, вроде тех, что делал когда-то и мой народ.

Она увидела схематические изображения причудливых тварей, невероятных существ – что-то вроде львов или тигров, но с рыбьими хвостами.

Нервы у Джезы натянулись до предела.

– С нами ничего здесь не случится? Никто на нас не нападет?

– Все будет нормально! – рассмеялся провожатый. Его голос еще несколько секунд метался от стены к стене. – Раньше здесь жили люди, теперь никого нет. Никто не знает, что они здесь делали – защищали свое или охраняли чужое.

– Откуда ты знаешь, что их здесь больше нет?

Он умолк, раздумывая над ее вопросом.

– Я сам иногда здесь прячусь, – ответил он наконец. – Мои соплеменники не всегда рады меня видеть, потому что я не отказываюсь вести дела с твоим народом.

– Точнее, брать деньги у тех и у других?

Он сердито глянул на нее:

– Надо же человеку как-то зарабатывать на жизнь.

Соседняя камера оказалась еще холоднее. И определенно меньше. Странно, но вдоль одной ее стены валялись какие-то безделушки. Джеза поднесла факел ближе и увидела приношения: молитвенные бусы, причудливые предметы из перьев, металлические чашки и таинственные свитки, от времени рассыпавшиеся в прах. На стене над ними тоже были рисунки, очень крупные, сделанные в разных стилях.

– Похоже, они не очень старые, – отметила Джеза, присаживаясь рядом с предметами на корточках.

– Они не старые. Когда я впервые укрылся в этой пещере, то нашел здесь двух женщин из одного мелкого племени, они оставляли здесь подношения. И не они одни.

– Зачем?

– Затем что они боятся своих богов, вот зачем.

Богов? Вопросов у Джезы хватило бы на целый день. Все, что она видела здесь, озадачивало.

– Иди сюда и посмотри, – предложил кочевник, – только захвати свет.

На стене было огромное изображение. Его сделали густыми черными чернилами, и те выдержали испытание временем. Изображение состояло из вздутого живота и груди.

– Вот это – крылья, – объяснил ее провожатый, указав на линии между грудью и брюшком.

– А это голова?

– Нет, на этом рисунке нет головы.

Джеза разглядывала рисунок, ожидая дальнейших пояснений, но ее спутник молчал. Его манера обрывать любой разговор на полуслове раздражала. «Может, надо было дать ему больше денег? – подумала Джеза. – Или времени?»

– Мы уже совсем близко, – сказал кочевник. – Вот сюда.

Девушка сделала за ним еще шаг и увидела, что он сидит на корточках на краю темной ямы.

– Оно там, – раздался его голос.

Нагнувшись над ямой, Джеза посветила факелом. То, что лежало внутри, ошеломило ее.

Несколько футов в длину от кончика брюшка до черепа, оно серебрилось в неярком свете; вздутое брюшко, торакс – все было как на рисунке, но здесь еще к тому же присутствовала голова. Точнее, голова когда-то присутствовала, теперь от нее остался лишь огромный череп, лежавший на боку рядом. Мысленно Джеза принялась сравнивать то, что находилось перед ней сейчас, с прочими виденными ею тварями, с набросками, сделанными ею самой и другими, когда те пытались размышлять о родословной этих существ и их возникновении. К какому разряду животных они принадлежали? Как развивались? Живут ли они сегодня, или только отдельные их черты продолжают сохраняться в потомках?

Она ничего не угадала. То, что лежало перед ней сейчас, потрясало.

Джеза недоверчиво покачала головой и удивленно хохотнула.

– Продолжай, – попросила она. – Расскажи мне о нем. Что это было?

Помолчав немного, он сказал:

– Люди моего племени называют его Скорбной Осой.

Она шепотом повторила за ним название, словно желая убедиться, что столь невероятное существо реально.

– Скорбная – потому, что она плачет?

– Точно.

– А это не подделка, случайно?

– Наверное, у меня любопытная репутация, но я не обманщик. То, что ты видишь тут, настоящее.

– Расскажи мне еще.

– Что ты хочешь знать?

– Как оно тут оказалось.

Какое-то время кочевник смотрел на нее, и по его глазам невозможно было понять, о чем он думает. Они отражали свет ее факела, и это напугало девушку.

– Есть сказания, они восходят к Векам Науки, когда огромные животные бродили по земле, а люди создавали чудовищ просто для того, чтобы убедиться в своем могуществе. Эти осы сначала были нормальными насекомыми, потом культисты превратили их в гигантов, но на их способность к размножению это не повлияло. В результате экспериментов их появились тысячи, и все сбежали – на свободу. Говорят, когда у них появились черепа, они стали умнее. У них был разум и долгая жизнь, они вели одинокое существование и знали, что рано или поздно умрут, и это делало их очень несчастными. Угрюмыми. Мрачными. Они теряли много энергии. Их жизнь была бесцельна. Зависимость от своего физического тела тяготила их, и в свои последние дни они горевали. – Он показал на останки Скорбной Осы. – Это второй найденный экземпляр, лучший из сохранившихся.

Джеза снова посмотрела на Осу. На месте крыльев, выходивших когда-то из-под грудного панциря, торчали теперь короткие обломки. Образец сохранился на удивление хорошо, однако искусство палеомансии непредсказуемо.

– Думаешь, ты сможешь что-нибудь с этим сделать? – поинтересовался кочевник.

Джеза почесала подбородок:

– Мне надо привести сюда других, чтобы они помогли мне переправить его в город. Но думаю, да, у меня получится.

Глава первая

Ветер шевелил голые верхушки деревьев. Кроме их шелеста, командующий Бринд Латрея не слышал ничего, по крайней мере ничего подозрительного. В глубине Ведьмина леса лежал снег.

Ничего, все равно лучше здесь, чем в Виллирене.

Всего в нескольких милях к северу отсюда лежал город. Война оставила от него немногим более, чем груды руин. Бои закончились уже давно, но солдаты продолжали находить все новые и новые тела, которые надлежало сжечь. Он отдал строгий приказ: копать и сжигать до тех пор, пока душа последнего погибшего гражданина не будет отпущена на волю. Работа, конечно, грязная, но такова война: она всегда оставляет много грязи. У окунов, вошедших в их мир через Врата и прибывших в Виллирен по воде, была лишь одна цель: уничтожить город со всеми его жителями. Бринд лично организовал оборону Виллирена и, можно сказать, добился успеха, хотя, учитывая разрушения в городе и общее количество погибших граждан империи, вряд ли операцию можно было назвать победой.

Когда бои закончились, Бринд приобрел эту привычку – уходить за город и разговаривать там с воронами, то и дело проводя ладонью по шершавым древесным стволам. Все лучше, чем просить прощения у людей, чьих погибших родных и близких везли по улицам Виллирена.

Однако сегодня он пришел сюда не для того, чтобы расслабиться; здесь его ждало дело. Невдалеке он различил силуэт: женщина, в военном непромокаемом плаще, рядом с палаткой, подносит фляжку к губам.

– Выпиваете на посту, сержант? – окликнул он ее.

Сержант Биль из бригады Волка, одной из немногих уцелевших в Третьем драгунском полку, от испуга выронила фляжку. Завертев головой по сторонам, она судорожно схватилась за рукоять меча. Увидев наконец Бринда, она несколько не успокоилась – наоборот, кажется, испугалась еще больше. Ничего удивительного: Бринд привык, что люди реагируют на него подобным образом. Ведь он был альбиносом с глазами цвета закатного солнца. Он исхудал, на бритом черепе и лице серебрилась трехдневная щетина. На черной словно уголь форме, которую он носил без доспехов, не было ни пятнышка, у пояса висел меч.

– Простите меня, командир, – начала, заикаясь, Биль. – Я, честное слово, ничего не слышала. Причем уже давно – несколько дней. И я никогда не пью на посту – честно. Так, самую малость, только чтобы согреться, я ведь стою тут почти без движения.

Бринд протянул руку к ее фляжке, открыл, понюхал и закрыл снова.

– Перевод хорошей водки, – сказал он. Окинул взглядом лес, потом посмотрел прямо на нее. – Так вы говорите, ничего не видели?

– Нет, сэр. – После пяти дней в снегу и грязи, без доступа к чистой воде, Биль выглядела замарашкой. – Вчера днем надо мной пронеслась гаруда, а еще я каждый час обходила свой участок леса, сэр, но ничего не нашла, только какие-то руины.

Бринд подошел к ее временному убежищу и небрежно похлопал ладонью по веревке, натянутой между деревьями.

– Хорошо придумано, – заметил он. – И держит надежно, и от ветра со снегом закрывает, деревья-то почти голые.

Биль молча кивнула.

Бринд продолжал осматриваться: сначала оглядел вырубку, потом окинул взглядом окружающие ее тощие деревца, все вместе и каждое в отдельности, точно надеялся отыскать в них что-то особенное.

– Так вы говорите, пять дней, и ничего?

– Так точно, сэр.

– Хорошо, – произнес он загадочно.

Сержант нахмурилась:

– То есть меня теперь сменят, сэр?

– Нет. Пока нет. В течение часа сюда прибудет группа солдат... На первый взгляд они могут показаться странными и даже вызвать тревогу.

– Я слышала о великанше в наших рядах, – сообщила Биль.

– Никакая она не великанша, если на то пошло, хотя, конечно, выше нас с вами. Да, я о ней, вы правы. Однако, несмотря на увиденное – или не увиденное, – ваша задача стоять здесь и не высовываться, это понятно?

Биль быстро кивнула, и тема была исчерпана.

– Как дела в Виллирене? – спросила она.

Бринд продолжал озираться, точно одержимый манией преследования.

– Понемногу, но здесь сейчас лучше, чем там. – Он кивком обозначил лес вокруг них. – Тут все настоящее: елки, земля, и нет нужды перелопачивать тонны трепотни местных бизнесменов в поисках зернышка правды.

Бринд сунул руку в карман и вытащил карту; его дыхание на морозе превращалось в облачка. Солнце уже соскальзывало за горизонт; небо приобретало цвет запекшейся крови.

– У вас есть для меня какие-нибудь... э-э-э... распоряжения, командующий? – спросила Биль нетерпеливо – она нервничала в его присутствии.

– Вы хотите сказать, – насмешливо подхватил он, – чего это я, командующий армией, торчу здесь в столь поздний час?

– Я бы не посмела...

– И напрасно – вполне уместный вопрос. Я здесь по делу чрезвычайной секретности, а вокруг меня мало людей, кому бы я мог довериться в такой час. Хотя еще уместнее было бы поинтересоваться вот чем: а для чего вас поставили нести дежурство в этом забытом богами месте?

Внутреннее раздражение Биль усилилось.

– Знаю-знаю – солдаты не обсуждают приказы, они получают и выполняют их. Такой подход делает вам честь, вы далеко пойдете, если будете продолжать в том же духе.

Биль неуверенно кивнула.

– Примерно час спустя в этом лесу появятся полсотни солдат. Они займут дорогу, ведущую к руинам, которые вы обнаружили.

– Сэр.

– И вы будете молчать обо всем, что увидите, не скажете никому ни слова.

– Так точно, сэр. Только... что все-таки случится, как мне узнать, о чем именно молчать?

– Увидите, – пообещал командующий, – хотя я и сам толком не знаю, чего ожидать.

– Темные времена, – вздохнула Биль.

– Точнее не скажешь. Вы в Виллирене с самого начала?

– Боюсь, что да, сэр.

– Вы храбрая женщина.

– Не храбрая – просто везучая.

– Везучая? – Бринд коротко хохотнул, вытолкнув изо рта кругляшок пара. Биль заметно дрожала: с наступлением ночи температура стала стремительно падать. – С везением вы бы оказались где-нибудь подальше отсюда. Однако многим повезло еще меньше – их просто разрубили на мелкие кусочки, превратив в фарш.

– Сколько погибших насчитали? – спросила Биль.

– По официальным данным, в боях или от полученных ран скончались сто пятьдесят пять тысяч человек...

– Дерьмо... – Биль недоверчиво встряхнула головой. – Прошу прощения, сэр.

Он только отмахнулся.

– Хотя не все, наверное, скончались от ран: кому-то не хватило продовольствия, а кто-то замерз на улицах.

– Но вы ведь постараетесь снова отстроить это место, да, командующий?

Альбинос дернул плечом:

– Что нам еще остается? Только пытаться. Хотя я не уверен, что на этом все кончилось: как ни велики наши потери, они могут оказаться прелюдией к чему-то еще более страшному. На просторах Джамурской империи живут миллионы...

– Вы хотели сказать, Уртиканской?

– Нет. – Он в упор посмотрел на нее. – Джамурская династия еще существует и в обозримом будущем никуда не исчезнет. Императрица Рика жива и снова восстановлена в правах.

– Но... я не понимаю.

– Пусть это сегодня вас не беспокоит, сержант, – посоветовал он, отходя от нее. – И помните: о том, что случится здесь позже, надо забыть.

И Бринд снова задумался о том, какая судьба постигла его письмо, посланное императору Уртике много дней назад с гарудой, письмо, в котором он сообщал об аннексии Виллирена и о том, что все оставшиеся в живых солдаты империи поступают под его, Бринда, командованием в полное распоряжение императрицы Рики. Бринд так и не получил из столицы ответа и даже не знал, достигло ли его послание адресата.

Позже ночью вспыхнул факел, замелькал меж ветвей: один, второй, третий – через лес шли люди. Среди них выделялась Артемизия – она была выше остальных по меньшей мере на фут, но двигалась легко и плавно. Возглавляя группу Бринд, он то и дело оглядывался посмотреть, не отстал ли кто.

Его окружали солдаты Ночной Гвардии, элитного подразделения, главой которого он был. Замыкающими шли лучники – их было человек двадцать, и они шагали, перекинув луки за спину.

Отряд приближался к тому месту, где стояла на посту сержант Биль. Та вышла на тропу, положив руку на рукоять меча, и отдала Бринду честь.

– Вольно, сержант. – Голос его глухо прозвучал в темном, мертвом лесу. – Займите место в конце строя, пойдете с нами. Лес оцеплен нашими разведчиками.

– Мое дежурство окончено?

Бринд ненадолго задумался.

– С луком обращаться умеете?

– Не хуже других, – был ее ответ.

– Хорошо. – Бринд обернулся и отдал отрывистую команду. Ему тут же принесли лук и колчан, полный стрел; он передал все это Биль и велел ей становиться в конец, с лучниками.

Они вышли на вырубку с развалинами какого-то здания – в Ведьмином лесу их попадалось множество. Здание было обширным и, как многие на Бореальском архипелаге, явно строилось не за один день – осыпающаяся каменная кладка принадлежала к разным историческим эпохам, – но оно обладало одной особенностью: в отличие от мертвого леса вокруг, полуразрушенное здание не поросло мхом и лишайниками, напротив, гладкий светлый камень оставался девственно-чист. Судя по сохранившимся проемам огромных окон, выходивших на восток, здесь когда-то был большой собор. От его стен мало что осталось, но в дальнем конце вырубки, как раз напротив слегка изогнутой линии рухнувшей апсиды,

стояла нетронутая арка высотой футов двадцать, и, приглядевшись, можно было увидеть, что ее каменная поверхность сохраняет первозданную гладкость, точно ее совсем не коснулось время.

Артемизия вышла из-за спины Бринда и решительно направилась прямо к ней, пока Бринд отдавал лучникам приказ выстроиться в две шеренги лицом друг к другу, образуя проход, ведущий от этой самой арки. Солдаты построились, как им было приказано, и застыли в морозной тишине.

Командующий и сам точно не знал, зачем это нужно. Вполне возможно – и даже скорее всего, – это ни к чему не приведет, и все мечты о военной помощи, которая может прийти таким путем, так и останутся мечтами.

– Сколько нам еще ждать? – спросила Эйр. И бросила быстрый взгляд на императрицу Рику, которая стояла спокойно. – Мы же здесь все замерзнем, холодно очень. – Мужчина, который стоял за ее спиной, – Рандур Эстеву – обнял ее сзади и зашептал ей что-то на ухо. Казалось, от его слов ей стало теплее.

От их нежностей Бринда едва не стошнило.

– Я ничего не чувствую.

– Вы забыли про усиления, которые были внедрены в ваше тело, – ответила она. – Уверена, что они защищают вас и от холода. А мы скоро превратимся в ледышки.

– Тем не менее мы будем ждать столько, сколько понадобится, леди Эйр, – заявил командующий. – Кроме того, длительность нашего пребывания здесь зависит главным образом от Артемизии.

Синяя великанша как раз вышла из-за руин и направилась к ним. Бринд не переставал поражаться этой загадочной женщине, которая шагнула в их мир буквально из ниоткуда, прихватив по дороге двух сестричек Джамур, и в самый критический момент предложила им свою помощь. Сейчас она надела такую же одежду, какую носили все жители островов: штаны и рубашка, однако поверх нее был плащ военного образца и доспехи, которые скульптурно обрисовывали ее торс, а коричневую нагрудную пластину украшали тысячи малюсеньких символов, подобных которым Бринд не видел за все годы своих странствий по просторам империи. Ее волосы были завязаны в пучок на затылке, открывая взору рукояти мечей, которые торчали у нее за плечами.

Артемизия жестом подозвала к себе культистов – двоих мужчин и одну женщину в черном, – которые сразу подбежали к ней, волоча ящик с реликвиями. Так же, жестом, она велела поместить его в проем сохранившейся арки, и те поспешно бросились исполнять, их плащи черными крыльями трепыхались за ними на ветру.

– Скоро я узнаю, – объявила Артемизия, – сколько нам тут еще стоять. – Стоило ей открыть рот, и все, кто был вокруг, невольно прислушивались. Она внушала почтение. Бринд не раз уже задавал себе вопрос, какую роль она играла в своем родном мире.

– У вас есть все, что нужно? – спросил он у нее.

– Пока да.

– А что, если дело пойдет не в том направлении?

– На это есть лучники.

– А если вообще ничего не получится?

– Получится.

– А вдруг? – продолжал настаивать Бринд.

– Не получится может лишь в том случае, командующий, если ваши культисты напортачили с технологией. Теория, как я уже говорила, абсолютно верна.

Ее знания джамурского улучшались день ото дня, чего нельзя было сказать о ее характере.

Последние тридцать дней Артемизия провела в почти непрерывном общении с культистами; ночевать возвращалась в цитадель в центре Виллирена, где жили Бринд, императрица Рика, ее сестра Эйр, а также находился штаб ночных гвардейцев, и приносила с собой реликвии. Тысячи лет эти обломки технологического могущества прошлого были прерогативой культистов, которые зачастую очень слабо понимали, как они работают и почему; и вот, впервые за много веков, люди получили доступ к источнику знаний о них. Объяснения того, что и как работает, оказались одновременно логичны и абсурдны. По крайней мере, Бринд мало что мог в них понять. Однако теория его не волновала; удастся ли с помощью этих реликвий вызвать армию в помощь угасающей военной мощи их мира или нет – вот что было для него всего важнее.

Собственно, для этого они и собрались здесь, в глубине Ведьмина леса, – посмотреть, как Артемизия будет применять свои знания на практике. То, что произойдет здесь и сейчас, покажет, какую именно роль Артемизия сможет сыграть в истории народов Бореального архипелага.

Арка словно заморозила Артемизию, та приближалась к проему в состоянии, близком к религиозному экстазу. Когда она вынула из кармана прибор, Бринд вышел вперед и встал рядом с ней, перед лучниками.

– Так, значит, вот эта арка, – произнес он вполголоса. – Что ж, прекрасный образчик архитектуры, но ты уверена, что это именно то, что нужно?

– Твой скептицизм не делает тебя честью, – ответила она.

– В смысле, не делает мне чести?

– Я так и сказала. У меня были основания надеяться, что уж теперь-то, когда ты столько видел и слышал, ты сможешь, как умный человек, отнестись к происходящему без предвзятости.

– Именно моя предвзятость помогла сохранить многие жизни в этом городе! – парировал он. – Не забывай об этом.

Он сказал это не для того, чтобы бросить ей вызов, а она не подала виду, что слышала. Культисты, поставив ящик в проем, отошли в сторону, и Артемизия нависла над ним. Факелы поднесли ближе, и, когда она откинула крышку ящика, взгляду Бринда предстало то, что при других обстоятельствах он принял бы за обычный набор лома с городской свалки: какие-то обрезки труб, листы металла и прочие железяки. Расплавь их все, глядишь и хватит на один приличный меч. Однако среди обломков попадались предметы и более сложные: проводки, какие-то приборы вроде компаса и вовсе невиданные штуки.

Неодобрительно буркнув что-то насчет культистов с их штучками, Бринд умолк. В конце концов, сейчас не время критиковать: ведь Артемизия собиралась помочь ему, Джамур Рике, да и всей империи, точнее, тому, что от нее осталось. Склонившись над ящиком, воительница опустила в него руки.

– Я начинаю строительство, – объявила она громко и выпрямилась, держа в каждой руке по металлическому предмету. Она подошла к арке, Бринд следил за ее действиями: сначала у каждой из сторон арки она положила по реликвии, потом начала складывать остальные аккуратными круглыми кучками на равном расстоянии друг от друга так, чтобы они уходили дорожкой внутрь разрушенного храма. После этого она соединила их все длинным проводом, концы которого обернула вокруг опор арки. Процедура заняла около часа; Бринд ощущал растущее напряжение лучников.

Когда Артемизия наконец закончила опутывать проводами с висящими на них циферблатами многочисленные опоры и сохранившиеся поперечные балки древнего строения, собор выглядел так, словно его отстроили заново, по меньшей мере, наполовину.

Великанша повернулась к Бринду:

– Теперь я готова к первой попытке.

Бринд кивнул и пошел между рядами лучников, отдавая им последние приказания и внутренне закипая от того, как лениво и незаинтересованно они его слушали.

«Настоящие солдаты, с армейской выучкой, никогда не повели бы себя так, – думал он. – Но что делать, сейчас либо наемники, либо вообще никого».

Когда все лучники приготовились, Бринд велел им держать внутреннее пространство арки на прицеле, но без его приказа не стрелять. После этого он вернулся на свое место подле Джамур Рики, которая, кажется, ни разу даже не пошевелилась за все время, сохраняя непривычно строгое и непроницаемое выражение лица. Он не помнил ее такой в Виллджамуре; видно, тяжелые времена изменили ее не в лучшую сторону.

По просеке со стоном пронесся ветер. Там, откуда он прилетел, загремели мертвыми ветвями деревья.

Артемизия стояла теперь в центре арки, точно на сцене. Вытащив из ножен свои огромные клинки, она взяла их в одну руку. Затем присела и стала возиться на земле с какой-то маленькой машинкой, совсем как обычная культистка. Вот она подняла голову, окликнула кого-то из культистов, и к ней, подобострастно семеня, подбежала женщина в черном. Они о чем-то зашептались. Через секунду культистка удалилась прочь – видимо, с заданием проинформировать какие-то небольшие изменения.

«А, черт вас дери! – подумал Бринд. – Сколько вы там еще будете возиться?»

Статическое электричество затрещало сначала тихо, потом все громче и громче. Самый воздух вокруг Артемизии наполнился электрическими разрядами: стали видны тонкие прожилки белого света, которые сплетались в призрачную паутину; наконец она обозначилась совсем ясно, правда, теперь это была не сеть, а скорее какая-то трехмерная решетка. Оглядевшись, Бринд увидел, что она покрывает все пространство просеки, где стояли его люди, и достраивает собор светом. Он поднял руку, и она без всяких ощущений прошла сквозь одну из сияющих полос.

Его лучники стояли неподвижно, не выказывая никакого удивления перед внезапно открывшейся их глазам световой архитектурой. Они просто ждали, что будет дальше, с таким видом, как будто на их глазах не происходило ничего особенного. Спустя несколько минут свет стал тускнеть, стены и арки собора растаяли в морозном ночном воздухе, и Бринд, пнув носком сапога отвалившийся кусок каменной кладки, шагнул к Артемизии.

– Пустышка, – начал было он, но синяя великанша стояла, вперившись в темноту.

Проследив ее взгляд, Бринд понял, что тьма внутри портала отличается от окружающей его ночи. Внутри царила абсолютная чернота, тогда как вне арки виднелись очертания ветвей и стволов деревьев, чуть подсвеченные огнями факелов.

– Абсолютное ничто, – подтвердила Артемизия самодовольно. – Это уже прогресс, я полагаю.

– А где же помощь?

– Я же не говорила, что она придет оттуда сама собой. Вполне возможно, мне придется войти туда, чтобы ускорить процесс. Пока я только открыла Врата. Теперь надо дать знать тем, кто по ту сторону, что я жду их здесь.

– Описания Врат Миров совсем другие, – не унимался Бринд. – Там, я слышал, есть сетка из пурпурного света, а здесь ничего подобного нет.

– Существуют разные методы строительства – к тому же пурпурный свет может оказаться на той стороне. Вполне возможно, что он однонаправлен. И тогда мне придется его развернуть.

– То есть войти туда? Как мы можем быть уверены, что ты не трратишь попусту свое и наше время? Что ты вообще вернешься в наш мир?

– Измерение, – поправила она его. – Мир у нас один. А зачем я вообще потратила время на то, чтобы прийти сюда, как ты думаешь? Если все сработает, я вернусь немедленно. Время в моем и вашем измерениях течет неодинаково, можешь мне поверить.

– Тогда иди, – скомандовал Бринд. – Придется подождать – все равно если наше дело так плохо, как ты говоришь, то выбора у нас нет.

– Хорошо, я сейчас вернусь. – Артемизия тут же подошла к проему и исчезла в нем.

Тут наконец ахнули даже лучники, да и сам Бринд был немало поражен небрежной простотой ее поступка. Хотя если ей уже случалось пересекать границу миров раньше, то для нее это дело привычное.

Люди начали переговариваться за его спиной, и Бринд чувствовал, что у всех назревает один и тот же вопрос: как долго им еще стоять тут, на морозе? Горечь разочарования проступила на многих лицах; минуты шли, надежда угасала.

Но солдаты не успели начать роптать – ворота засияли. Лучи света стали складываться в решетку вроде той, о которой Бринд слышал от гаруд, наблюдавших аналогичное явление во льдах, где, как считалось, чуждые расы проникли в этот мир и копили силы для атаки на Виллирен. Пурпурная сеть начала гипнотически пульсировать, словно кто-то пытался протиснуться сквозь нее изнутри. Наконец наружу прорвались лучи.

Бринд подавил в зародыше назревавшую панику, велел лучникам сохранять строй и во что бы то ни стало держать под прицелом пространство внутри арки, ибо нечто определенно пыталось выйти оттуда на просеку.

Еще мгновение, и сквозь пульсирующую сеть высунулась синяя голова, за ней показалось тело.

Это была Артемизия.

Она переоделась – теперь на ней был незнакомый им черный доспех со знаком красного солнца на груди.

– Готовьтесь, – шепнула она и шагнула вперед.

За ее спиной фиолетовая сеть вспучилась вновь, теперь в нескольких местах. Что-то давило на нее изнутри, и вот показались человеческие руки, а за ними... да, человеческие тела – воины. Бринд, насмотревшись на недавних агрессоров, удивился – он ожидал чего-то более странного. Знакомый облик пришельцев заставил его расслабиться.

Вдруг его осенило: «Значит, в другом измерении и люди есть?»

В панцирях, с круглыми щитами и короткими широкими мечами наперевес, эти люди сыпались из Врат, как горох из мешка, заполняя собой просеку. На груди и на лобной части шлема у каждого была все та же эмблема – пустой внутри красный солнечный диск.

Бринд оглянулся на своих солдат и приказал:

– Десять шагов назад, луки на изготовку, огонь не открывать!

Его люди отступили, шаркая подошвами, а пришельцы продолжали заполнять собор, сохраняя при этом ряды. Их было около двух сотен. Цвет их кожи варьировался от почти черного до очень светлого, мало отличавшегося от его собственного, и все они были мускулистые, крепкого сложения.

Артемизия подошла ближе:

– Это наши элитные воины. – В ее голосе звучала явная гордость.

– Прекрасные солдаты, – одобрил Бринд. – Правда, я ожидал, что их будет больше.

– Там, откуда они пришли, есть еще. Десятки тысяч солдат, правда, не столь отборных, как эти. Я выбрала тех, кого можно было отпустить немедленно. Но скоро подойдут и другие. Ты должен знать, что за то время, пока я отсутствовала здесь, в моем измерении прошло пять дней. А еще я принесла новости.

Бринд кивнул, делая ей знак продолжать.

– Фра Меркури, наш создатель, кажется, уже самостоятельно проник в ваш мир.

– Как это? Он ваш правитель, да?

– Нет. Создатель, но не правитель. У нас ведь демократическое общество – мы подчиняемся не одному вождю, а совету старейшин, которые действуют ограниченное время, периодически сменяясь. Фра Меркури лишь обеспечил нам возможность существования и самостоятельного размножения; с тех пор как этот труд был завершен, он ограничивался ролью советчика в наших делах.

– А что он делает в нашем мире?

Впервые за все время, что он знал Артемизию, ее лицо выразило подобие тревоги:

– Я точно не знаю. Он не... известил старейшин о своих намерениях. Мы все удивились, узнав, что он исчез. И сообщений от него почти не поступало.

– Полагаю, вам придется выяснять, где именно он здесь находится, – предположил Бринд.

– Да, не исключено.

– Нам всем придется учиться соединять нашу технику с вашей, если мы хотим не только воевать вместе, но и мирно сосуществовать потом бок о бок. Поэтому, если ты опять собираешься туда, – Бринд кивнул на Врата, – передай своим старейшинам, что я хотел бы встретиться с ними. Им надо поговорить с Джамур Рикой. Дипломатические отношения должны быть установлены немедленно.

Артемизия кивнула:

– Чтобы собрать их, потребуется время, но я это сделаю.

Глава вторая

Обсидиановый зал, расположенный на верхнем этаже цитадели, давно уже стал домом для Бринда. Солдат с многолетним стажем службы, он привык к тому, что условия жизни меняются стремительно и зачастую бесповоротно, не оставляя времени на то, чтобы обзавестись привычками и прирасти к повседневности. Ночные гвардейцы были теперь его семьей и его друзьями, а что до дома... Полжизни империя посылала его то на один край света, то на другой, и он так свыкся с этим, что разучился привязываться к одному месту. В этом смысле у него было больше общего с кочевниками архипелага, чем с жителями его городов.

Во время боев за Виллирен Обсидиановый зал служил штабом защитников города. Пламя постоянно зажженных кенкетов отражалось в отшлифованных до зеркальной гладкости кроваво-красных стенах, а в центре стоял огромный дубовый стол. За каминной решеткой потрескивал огонь. Из узких сводчатых окон, расположенных вдоль одной стены, открывался вид на гавань Виллирена – точнее, на то, что осталось от нее после осады, – и на море за ней. День выдался на редкость погожий: редкие облачка плыли на горизонте по ярко-голубому небу, под которым белело барашками синее море.

Бринд провел здесь немало часов. Конечно, он был прежде всего солдат и повидал на своем веку немало боев, может быть, даже больше, чем хотелось бы, однако значительная часть его деятельности как главнокомандующего была связана с логистикой. Снабжение продовольствием, эвакуация гражданского населения, тактика обороны города, набор в армию – все эти занятия требовали постоянного контакта с гражданскими властями, конечно, когда те были расположены к конструктивному общению. Так, например, городского бейлифа Бринд не видел уже много недель; не исключено, что тот просто сделал ноги из Виллирена. Город оказался полностью во власти военных, что вполне устраивало Бринда – тем легче было аннексировать его у империи.

Собрав с большого стола карты и черновики бюджета, он сложил их в стопку на своем письменном столе, поменьше, – ими можно заняться и потом. Затем налил себе стакан приличного вина, «спасенного» отрядом городской милиции из поврежденных погребов одного бистро, и с наслаждением сделал глоток.

В дверь постучали, он крикнул: «Войдите!» В дверь просунулась голова – это был Бруг, ночной гвардеец; бритый череп в сочетании с буграми мышц придавали ему злодейский вид. Бринд разглядел татуировки, украшавшие его напряженно вытянутую шею.

– Командир, Джамур Рика говорит, что она готова принять вас сейчас.

– Вот как? – буркнул Бринд. – Лучше ты приведи ее сюда.

– Ага. Ей, похоже, и самой уже не терпится. Она прямо требовала, чтобы я привел ее к вам. Совсем не та девушка, какую я помню.

– Она теперь леди Рика, Бруг. А не девушка.

– Да и на леди не очень-то похожа. Это что, из Южного Тинеаг'ла? – Бруг показал на бутылки, стоявшие на столе.

Бринд кивнул.

– Напрасная трата хорошего вина, по-моему, – заявил Бруг, повернулся и вышел.

Бринд зажег благовония и ждал молча, удовлетворенно любуясь языками пламени в камине. Потом прикрыл глаза; неподалеку, возможно в коридоре позади его спальни, ходили какие-то люди. Где-то вдалеке трещала культистская магия. Хорошо бы, они работали над механизмами брэнна, очень полезными подрывными устройствами. Еще дальше, может быть даже не в крепости, пекли дрожжевой хлеб: его аромат щекотал ноздри Бринда.

Шаги у дверей. Открыв глаза, он увидел Джамур Рiku, которая стремительно приближалась к нему, Бруг спешил за ней. Бринд встал и слегка наклонил голову в знак приветствия.

– Джамур Рика, добро пожаловать в Обсидиановый зал.

– Так вот где командующий Латрея проводит свои дни?

И она с пренебрежением огляделась. Никогда раньше он не видел ее такой воинственной. Будь ее опрятная форма черной, а не серой, она вполне могла бы сойти за ночного гвардейца. Золотой церемониальный кинжал в изукрашенных камнями ножнах висел у нее на левом бедре, а черные волосы были пострижены коротко – даже короче, чем у Эйр. Каждая черточка ее лица, каждая складка под глазами, каждое движение и жест, такие мягкие, округлые и плавные считанные месяцы тому назад, когда он впервые увидел ее на Южном Фьорде, стали суше и резче. Перемена была внезапной и разительной.

– И вечера тоже, – отвечал Бринд, легко двигаясь ей навстречу. – Моя императрица...

– Пожалуйста, не называйте меня так пока.

– Прошу прощения.

Она кривовато улыбнулась:

– Мне не по себе от титула, который не вполне соответствует реальности. Мы ведь аннексированы, не значит ли это, что мы – часть республики? Свободный город? Разве можно быть императрицей одного города?

Бринд нахмурился и переглянулся с Бругом. Тот только пожал могучими плечами и молча улыбнулся.

– Возможно, как раз сегодня в этом вопросе кое-что прояснится, – сказал Бринд. Он развернулся в сторону большого стола, когда в зал вошла Джамур Эйр, сестра Рики, а с ней ее друг, любовник и телохранитель в одном лице Рандур Эстеву. Эйр безмятежно улыбалась и, по своему обыкновению, приветствовала Бринда тепло, как старого друга. Рандур, напротив, отвесил ему витиеватый поклон, чем поверг Бринда в недоумение: что это – знак уважения, насмешка или признак глупости, а может быть, и все вместе? Если на Эйр была простая коричневая туника, то Рандур облачился в свежую сорочку модного покроя с кружевными манжетами и дурацким воротником и блестящий плащ. В его длинных волосах кое-где проглядывали косички.

– У тебя новый меч, Рандур? – Бринд показал на рапиру, висевшую у того на поясе.

– Великолепная наблюдательность, командующий, – ответил Рандур и тут же с пронзительным «дз-з-з-ин-н-г» вытянул рапиру из ножен. Длинный клинок лучом сверкнул у него в руке. – Не хотите испробовать позже, какова она в деле? Я уже давно не практиковался. Честно говоря, скучаю тут у вас до смерти.

– Посмотрим, может, и найдется минутка-другая, – ответил Бринд.

– Я пойму, если вы не захотите мне проиграть.

– Посмотрим, – с нажимом повторил Бринд. – А пока рекомендую придерживаться правил военного времени: в цитадели нельзя находиться с оружием, оно уместно только на улицах города. Если мы сами не можем поддерживать дисциплину в своих стенах, то какое право имеем навязывать правила людям за их пределами?

Рандур, смерив Бринда сердитым взглядом, вернул клинок в ножны и фыркнул. Подошел к столу и налил себе вина. Эйр села с ним рядом, в то время как Рика заняла место во главе стола. Бринд встал около нее.

Вместе они терпеливо ждали, пока в зал войдут и расположатся вокруг большого стола представители городской администрации, а с ними законники, ростовщики, строительные подрядчики, культисты. Ночные гвардейцы тем временем выстроились вдоль стен, сложив на груди руки и словно лишний раз напоминая присутствующим о том, кому в данный момент принадлежит власть в Виллирене.

Приглашенных было всего тридцать три человека, однако, когда все они вошли в зал, Бринду показалось, что их по крайней мере втрое больше, несмотря на то что все держались от него на почтительном расстоянии и вели себя тихо, перешептываясь лишь с соседями.

Бринд поднялся со своего места и подождал, когда все умолкнет.

– Добро пожаловать, граждане города Виллирена, – начал он. – Я созвал вас сюда, преследуя очень непростую цель: нам предстоит создать новую цивилизацию, новую культуру и новую империю, чтобы противопоставить ее окунам, которые рвутся к власти над островом. И достичь этой цели мы можем только вместе.

Он сделал паузу, давая собравшимся время осознать услышанное, а сам внимательно вглядывался в их лица: одни были пассивны и ничего не выражали, с других на него были устремлены взгляды широко раскрытых глаз.

– Все прежние связи с Уртиканской империей теперь прекращены, и Виллирен является свободным, независимым городом, временно находящимся под управлением военных, которые служат императрице Рике – вот она, сидит подле меня.

Все взгляды обратились к ней, а она продолжала сохранять полное спокойствие, словно и не оказалась вдруг в центре многочисленных перешептываний. Взмахом руки Рика велела Бринду продолжать.

– Пока мы продолжаем пользоваться структурой и законами империи. В Виллирене нет и никогда не было политиков, и многие из вас, несомненно, считают такое положение вещей благом. – Вызвав ожидаемый смех, Бринд улыбнулся и жестом призвал собравшихся к тишине. – Однако времена сейчас наступили серьезные, и перед нами стоят две основные проблемы. Первая заключается в том, чтобы отстроить разрушенный город заново и объединить разрозненные группы людей в единый народ. Эту проблему невозможно решить без активного участия всех, кто присутствует здесь в данный момент: строительных подрядчиков и банкиров, юристов и землевладельцев. Только вместе мы сможем дать работу тем, у кого не осталось совсем ничего, и накормить – причем хорошо накормить – всех голодных. Люди должны почувствовать, что их собственное будущее зависит в том числе и от них самих. Однако вторая проблема, стоящая перед нами, так остра, что может полностью затмить собой первую.

– В смысле?! – выкрикнул худощавый человек с жиденькими усиками, которого звали Деруж.

– Сейчас сами увидите, – ответил Бринд. Повысив голос, он позвал Артемизию, и не прошло и минуты, как она, пригнув голову, шагнула в зал через дверь в дальней стене. Взгляды всех собравшихся устремились туда же, куда смотрел Бринд, и вскоре помещение наполнилось криками тех, кто стремился поскорее убраться с ее пути.

– Не бойтесь! – закричал Бринд. – Прошу всех сохранять спокойствие – это наша союзница, она на нашей стороне!

Артемизия, при всех военных регалиях, прошла сквозь расступавшуюся перед ней толпу, не обращая внимания на ахи и охи, и встала рядом с Бриндом, возвышаясь над всеми на добрых две головы.

– Что это такое? – снова подал голос Деруж.

– Не что, а кто, – поправил его Бринд, дождавшись тишины. – Она друг. Ее зовут Артемизия.

– Приветствую вас всех, – заговорила великанша, и Бринду показалось, что по ее лицу даже скользнула улыбка.

– Вы наверняка помните, что недавние бои здесь, в Виллирене, мы вели против представителей неведомой доселе расы. Оказывается, что в том мире, откуда эти пришельцы родом, они ведут войну против народа Артемизии. То есть в то же самое время, когда с расой пришельцев сражались мы, воевала с ними и она.

И Бринд рассказал им о Вратах между мирами и о происхождении пришельцев все, что считал необходимым. Новость погрузила собравшихся в полную тишину, и в этой тишине он изложил все подробности их положения: экономика империи рухнула, Виллирену гро-

зит гиперинфляция, если ростовщики сегодня же не перестанут давать людям деньги под проценты, загоняя их во все большую финансовую кабалу; город аннексирован у империи, Уртика извещен, но не отвечает, правовое положение Виллирена неопределенно, однако это еще не самое страшное.

Он не стал говорить им, что та версия собственной истории, с которой они выросли и привыкли жить, оказалась ложью, что Церковь, по всей видимости, искажала реальность в угоду собственным интересам, а Артемизия принесла с собой совсем другой вариант происхождения и развития их мира. Обо всем этом надо было говорить в другом месте и в другое время. Извещать людей о том, что где-то в другом измерении у них есть родичи, отколовшиеся от человечества много тысячелетий назад, казалось ему неуместным в сложившейся ситуации. Вместе с тем, в свете присутствия рядом с ним Артемизии и недавнего нашествия окунов, которых то и дело находили при разборах завалов в городе, в основном мертвых, но иной раз и живых, скрыть сам факт существования иного мира не представлялось возможным.

– Силы из другого мира, – продолжал Бринд, – по-прежнему будут перетекать в наш мир. Мы их не остановим. И с ними к нам перейдет – нет, уже перешла – их вековая война. Одна из сторон этого конфликта, – он указал на Артемизию, – желает поселиться здесь, рядом с нами. Их противники... ну, их посланцев – окунов – мы видели совсем недавно. В общем, их противники стремятся полностью захватить наш мир, истребив все человечество до последнего представителя, и заселить Бореальский архипелаг своим народом. При них у вас не будет ни земли, ни банков, ни домов. Ни жизни.

Шум в зале начал нарастать. Бринд взмахнул рукой, призывая людей к тишине, но это не подействовало. Он поймал взгляд одного из своих подчиненных, который вопросительно смотрел на него, и отрицательно покачал головой. Нет, этим людям нельзя угрожать – они должны согласиться на сотрудничество по доброй воле. Но Артемизии терпения не хватило. Она шагнула вперед, выхватила из ножен мечи и положила их на стол.

Все тут же умолкли, переводя взгляд с мощного оружия на его хозяйку и обратно. Никто не осмеливался и рта открыть.

– Спасибо, – буркнул Бринд.

Артемизия сделала шаг назад, удовлетворенная достигнутым результатом.

– Как я уже говорил, – продолжал Бринд, – нашей империи в том виде, в каком мы знали ее раньше, – скажу даже, всей нашей культуры – больше нет.

Один из ростовщиков, узколицый человек со светлой бородкой, подался вперед и перебил его:

– Почему мы должны верить тому, что говорит... она? Где гарантия, что нас не обманывают?

Хор растревоженных голосов заплескался и затих в зале.

С места, к удивлению Бринда, поднялся Рандур Эстеву.

– Эта иностранка, – заговорил он, – спасла жизни императрицы Рики и ее сестры Эйр, которые сейчас сидят здесь. – Он кивнул на обеих. – А заодно и мою задницу. Я старался доставить их обеих в Виллирен после того... что произошло в Виллджамуре. Артемизия перерезала напавших на нас людей Уртики, всех до единого, после чего доставила нас сюда. Мало того, пока вы хоронились по углам и мочили штаны от страха, она прошла через весь город пешком в поисках командующего, истребив при этом немало окунов. Короче, если вам нужно чье-то ручательство в том, что она говорит правду, примите мое. Даже если оно немногого стоит.

– Рандур, благодарю тебя за столь красочный вклад в наше общее дело, – сказал Бринд.

Тот опять плюхнулся на свое место, скрестив руки на груди. На его плечо легла ладонь Эйр.

Бринд еще раз обвел взглядом зал, пытаясь уловить настроение. Однако понять, что именно думают обо всем услышанном эти люди, было трудно. В конце концов, они всю жизнь занимались только тем, что преследовали свою личную выгоду. Неудивительно, что у них не получалось вот так сразу взять и переключиться на общественные интересы.

– Ваше недоверие вполне естественно, однако я бы на вашем месте не стал так сразу отвергать народ Артемизии.

– А что они за люди такие? Мы же ничего о них не знаем.

– Скоро они будут здесь, – поведал Бринд. – Кое-кто из них уже здесь, к югу от города.

– Как это?

– Мы с вами оказались в центре конфликта, суть которого нам пока очень трудно уяснить, однако с точек зрения и войны, и этики наилучший выход для нас – объединить усилия с народом Артемизии.

– Объясните понятно, командующий. Будет новая война?

– Совершенно верно. Причем такого масштаба, какого еще не знала наша история и, возможно, никогда не узнает.

– Вот и хорошо, – хохотнул один из ростовщиков. – Войны способствуют развитию промышленности. Я вложил немало денег в производство оружия и скажу вам откровенно, никогда еще дела не шли так хорошо, как сейчас. Горная промышленность тоже наращивает обороты, руда течет рекой. Как и деньги. Значит, у людей будет работа. Вам нужны рабочие места – мы вам их предоставим. Вам нужна промышленность – мы ее создадим.

– Целые реки денег, – проворчал кто-то, кажется, богатый купец Коумби, и по залу прокатился смех.

– Я хочу сделать вам одно предложение, – повысил голос Бринд. – В обмен на ваше участие в реализации наших планов я гарантирую всем вам заметное положение в том обществе, которое мы намерены создать. Мне нужно оружие – много оружия; мне нужно продовольствие, надежные цепочки производства и доставки провизии потребителю, так что я не запрещаю вам пользоваться помощью культистов для скорейшего достижения желаемого результата, и еще мне нужны деньги для создания новой армии. Нам срочно нужно открывать новый масштабный набор в наши вооруженные силы, это должна быть беспрецедентная по размаху акция, охватывающая не только этот остров, но и все соседние.

– То, что вы просите нас поддержать, сильно смахивает на революцию! – крикнул кто-то.

– Вы не ошиблись. Все зависит от того, как пойдут дела в Виллджамуре. Одно уже сейчас ясно: общество, которое возникнет после войны, будет разительно отличаться от существующего. И повторяю еще раз: ваш вклад в строительство этого общества даст такие результаты, которые наверняка понравятся вам самим, а мы, кроме того, сможем гарантировать вам особые права в этом обществе, гораздо лучше тех, что вы имели в империи.

– И что мы в итоге можем получить?

– Новые земли, – отвечал Бринд. – Новые рынки сбыта, строительство по всей империи и новые законы, которые нам предстоит написать. Это долговременные планы, но на первых порах я позабочусь о том, чтобы изъять земли у бывшей империи и передать их новым владельцам.

– Полагаю, создать эти новые законы будет совсем не просто, а? – подал голос кто-то.

Наверное, законник.

– Нам придется делить наш мир с пришельцами, так ведь, командующий? – спросил один купец. – Наши города заполонят иностранцы. Чудовища и монстры станут расхаживать по нашим улицам, а наши люди вынуждены будут мириться со всем этим. Нам не миновать возникновения гетто, помяните мое слово. Ничего уже не будет таким, как прежде.

– Гетто создают те, кто жил здесь раньше, – сказал Бринд. В другое время и в другом месте он хорошенько вздул бы этого делягу за его тон, но теперь просто продолжил: – И хотя многое из того, о чем вы говорите, может стать неизбежным результатом их помощи нам, не забудьте, что они принесут с собой в наш мир свои технологии, свое богатство...

– Их надо отделить – дать им землю, и пусть живут сами по себе, где-нибудь подальше от нас.

– Ага, – поддакнул кто-то. – Лично я не собираюсь жить с такими штуками бок о бок.

– Пожалуйста, – сказал Бринд, – давайте обсудим эти проблемы позже, если, конечно, переживем войну и если нам будет с кем ее обсуждать; а пока я прошу вас сосредоточиться на том, что происходит с нами сейчас и будет происходить в ближайшем будущем.

Собравшиеся согласились и еще час продолжали засыпать его вопросами. Каждому требовалось знать детали, значимые лишь для него одного, и таким образом разговор разветвлялся на многочисленные ручейки. Речь шла о выплатах и разделении земель, о том, сколько понадобится руды и к какому сроку и будут ли приватизированы общественные земли, на что Бринд ответил твердым «нет». Удивительно, но его почти не расспрашивали ни об Артемизии, ни о неизбежной новой схватке, ни о том, что за расы планируют переселиться в их мир.

– Я с вами, – объявил лысеющий толстяк, который сидел в углу и курил самокрутку из арума; пурпур его туники вторил оттенку его лица. Это был Коумби, владелец большого количества недвижимости в Виллирене, значительную часть которой разрушила война. – Мои деньги вложены в руду, кузнечные мастерские и рыболовецкую промышленность. – Он умолк и еще раз затянулся. – На сегодня я слышал достаточно. Думаю, что смогу быть полезен вам, командующий.

– Очень хорошо, – громко, с оптимизмом отвечал Бринд. – Большое спасибо, сэр. Итак, кого еще мы можем причислить к нашим рядам?

– Кому сейчас нужен этот развалившийся город? – вмешался узколицый законник. – Лично меня привлекает перспектива создания законов с нуля.

– Только вот еще что, – перебил его Коумби и сделал новую затяжку. Его лицо скрылось в облаке дыма. – Эта молодая дама. – Он кивнул на Рику. – Говорите, она здесь главная? Почему же тогда мы слушаем только вас? Какова ее роль?

Бринд посмотрел на Рику. Весь последний час молодая женщина сохраняла полное самообладание. Позволяла ему говорить и вообще делать всю грязную работу, но теперь вдруг поднялась с места, и Бринд отступил, давая ей слово.

– Он служит мне, – начала Рика, – потому, что всегда служил моей семье, и потому, что Уртика воспользовался бесчестными методами, чтобы лишить меня трона. Я поддерживаю связь с народом. Мой отец был довольно популярным монархом – при нем империя расширялась, а ее подданным была гарантирована стабильность. Установление размеренной и стабильной жизни новой империи – самая главная цель моего правления.

– Безусловно, – вмешался Бринд, – правитель из рода Джамуров как символ стабильности был бы предпочтителен для большинства подданных империи. Его пребывание на троне облегчило бы многим переходный период. Люди будут думать, что раз на троне по-прежнему Джамур, то, несмотря ни на какие тяготы в настоящем, возврат к благополучному прошлому все еще возможен.

– Нам-то что за дело? – возразил на это Коумби, вызвав у многих возгласы страха и удивления. – А что бы ты стала делать, детка, если бы мы ради тебя отказались палец о палец ударить?

Даже у Бринда глаза полезли на лоб, до того он был изумлен подобной наглостью.

Рика сначала фыркнула, потом засмеялась:

– В таком случае вы все, скорее всего, умрете, и тогда уже я ради вас палец о палец не ударю.

– Жестокие речи для такой хорошенькой девчонки, – сказал еще один купец.

Коумби захохотал в клубах дыма.

– Как тебя зовут? – спросила Рика.

– Броун, Хант Броун, – ответил худой рыжебородый детина.

Рика бросила взгляд на Артемизию и еле заметно кивнула. Великанша шагнула к купцу, взяла его за грудки, подняла над стулом и шваркнула о стену. Бруг едва успел увернуться, когда тот пролетел мимо него и юзом прошел по гладкой обсидиановой поверхности. Придерживая бедолагу одной рукой за шею, Артемизия другой вынула из ножен зловеще звякнувший меч и поднесла его к горлу несчастного. Никто даже не попытался выручить Броуна, чьи ноги беспомощно скребли по стене в надежде обрести равновесие.

– Гм, леди Рика, – не выдержал наконец Бринд. – Пожалуйста, отзовите ее. Нам действительно очень нужны эти люди.

– Нам никто не нужен, – с горечью шепнула она в ответ. – Это мы нужны им.

– Эти люди с нами вместе заново отстроят наш мир! – сказал Бринд как отрезал.

Рика ничего не ответила, только сердито опустила взгляд. Бринд крикнул Артемизии, чтобы она ослабила хватку, и воительница просто опустила руку, придерживавшую Броуна на весу, так что тот рухнул на пол, а сама спокойно отошла от стены и стала рядом с Рикой, не обращая внимания на взгляды, которыми ее провожали все, кто был в зале.

«Здорово, только этого нам и не хватало», – подумал Бринд.

– Вот, – продолжила Рика, – пример того, что будет со всеми нами. Видите, с какой мощью нам предстоит иметь дело? А ведь эта женщина на нашей стороне, она из тех, кто желает мирного союза с нашими народами. Так что у вас есть выбор: либо продолжать работать каждый на себя, как вы делали раньше, либо раз в жизни позабыть каждому о своей карликовой империи и объединиться в общем деле.

– В смысле, – вставил Коумби, – оставить свои империи и объединиться ради защиты твоей.

Рика повернулась к нему и смирла его злобным взглядом, но в конце концов кивнула:

– Можно и так сказать, если пожелаете, но какой у вас выбор? Никакого, вот что я вам скажу. Либо вы на короткое время объединяете усилия ради общего дела, которое в итоге принесет вам солидные барыши, либо все, ради чего вы трудились в жизни, будет уничтожено. В наш мир придут существа куда более странные, чем Артемизия, и уж они позаботятся о том, чтобы разрушить не только то, что у вас есть, но и истребить вас самих, ваши семьи и ваших друзей. – В наступившей тишине Рика вернулась к своему креслу и снова села. – Не останется ничего. А пока нам нужна еда, нам нужна программа строительства, нам нужна работа для людей, но больше всего нам нужна армия, обученная и хорошо вооруженная, для защиты наших берегов. Короче, нам нужны ваши деньги.

Бринд видел, как бесстрастные прежде лица проникались тревогой. В дальнем конце зала поднялся с пола растоптанный и униженный Броун и, отряхнув от пыли одежду, выскользнул прочь, поджав хвост. Кто-то возле дверей хихикнул.

– Я с вами, – попыток Коумби, – если, конечно, ваше предложение меня устроит. Думаю, мы можем помочь друг другу. К взаимной выгоде.

Следуя примеру Коумби, еще несколько купцов согласились участвовать; видимо, никому не хотелось упустить свой кусок эфемерного пока еще пирога.

– Вот видите, командующий? – шепнула Бринду Рика. – Суровость и немного насилия иногда приносят очень хорошие результаты. Люди должны бояться.

– Разумеется, – кивнул Бринд. – Хорошо сказано, леди Рика.

Глава третья

Целая река беженцев длиною в сорок тысяч футов текла через блеклый ландшафт Джокулла, а вдалеке, над развалинами Виллджамура, откуда она брала свой исток, черным пятном на сером дождливом небе маячил небесный город. Странное это было зрелище – смирение перед неизбежной смертью соединялось в нем с волей к действию. То есть люди уже привыкли думать о смерти, однако никто еще не был готов умереть.

Фулкром, бывший следователь инквизиции Виллджамура, который подал в отставку еще до крушения города, но неожиданно для самого себя оказался во главе колонны беженцев, развернул лошадь и стал всматриваться в горизонт, туда, куда они направлялись. Впереди лежали холмы, местами покрытые лесом, сквозь который им предстояло пробраться, но за ними не было уже ничего, кроме бескрайней тундры. Прямо по направлению его взгляда стая гусей описала медленный круг, и Фулкром на секунду испугался, приняв их за нечто другое, опускающееся на землю.

На периферии его взгляда возникла девушка с черной челкой.

– Скучал? – спросила Лан.

Фулкром радостно улыбнулся:

– Ну как все прошло?

– Нормально, сегодня утром уже легче, не то что вчера вечером. Никаких серьезных угроз. – Ее тонкое лицо было сплошь забрызгано грязью, волосы растрепались. Черный обтягивающий костюм Лан, некогда известный как форма Рыцарей Виллджамура, превратился в обычную одежду, хотя занималась она тем же, что и раньше, – помогала людям избежать беды. И в работе у нее недостатка не было.

– Хм, – протянул Фулкром.

– Что?

– Не нравится мне, когда нет совсем никакой угрозы. Обычно это предвещает какую-нибудь гадость.

– Оптимист ты мой!

– Просто я пытаюсь мыслить рационально. Неправильно, когда там, наверху, нет никаких признаков жизни. – Фулкром показал на небесный город. – Сколько уже таких затиший мы повидали, и каждое заканчивалось нападением, еще более страшным, чем все предыдущие. Почему теперь что-то должно измениться?

– Зато в периоды такого затишья, как сейчас, нам удастся убедить людей двигаться быстрее, – возразила Лан. – И уйти дальше. А ведь это уже кое-что, правда?

– Да знаю я, – вздохнул Фулкром. – Просто жалко, что у нас так мало экипажей. А ведь к нам, что ни час, добавляются люди из других городов и поселков. Я никогда и не подозревал, что на Джокулле живет столько народу. Кстати, а где Тейн?

– Понятия не имею. Мы были вместе, когда уходили от столкновения вчера вечером. Но он двигается медленнее. Я оставила его, думала, он сам доберется.

Фулкром кивнул и окинул взглядом происходящее. Поток румелей и людей тянулся мимо, захватывая в себя отдельных индивидов, точно отступающая волна. Несколько тысяч выживших превратились сначала в десять тысяч, те – в двадцать, потом в тридцать, по мере того как жители городов и деревень, через которые они шли, присоединялись к ним в надежде избежать грядущего истребления.

Сначала рост числа беженцев пугал Фулкрона. Потом он понял, что чем их больше, тем лучше, – значит, у их цивилизации еще есть шанс.

– Что будем делать дальше? – спросила Лан, с легкостью вскакивая на коня Фулкрона за его спиной. Обняв его одной рукой, она прижалась к нему. От этого ему стало легче –

правда, ненадолго: Лан сильно переменилась с тех пор, как они покинули Виллджамур. Она точно расцвела в пути; теперь, когда люди то ли забыли о том, кем она была в прошлом, то ли перестали придавать этому значение, у нее явно прибавилось уверенности.

– Просто пойдем вперед, я думаю, – сказал он.

– Но мы уже почти дошли до побережья. Что мы там будем делать? Когда небесный город окажется прямо у нас над головами? Пустимся вплавь?

– Надеюсь, – Фулкром развел руками, – фра Меркури что-нибудь придумает.

– Похоже на мольбу о божественном вмешательстве, – заметила Лан. – Вот уж никогда не думала, что ты верующий.

– Это потому, что раньше рядом с нами не было никого, хотя бы отдаленно похожего на бога.

– Раз уж о нем зашла речь, чем он сейчас занят? – поинтересовалась Лан.

– Да кто его разберет? Когда мне что-то нужно, я прихожу к нему и прошу, и он выполняет мою просьбу, если у него есть настроение, а бывает и так, что он меня как будто даже не слышит. Так что моя надежда на то, что мы поплывем, когда доберемся до воды, основана, в общем-то, только на вере.

– Значит, и ты все же бываешь оптимистом, – сказала Лан и поцеловала его в шею.

Земляных экипажей, этих левиафанов, созданных фра Меркури из самой плоти земли, стало теперь двадцать два. По его команде они возникали из почвы огромными островами, и грязь стекала с их боков, точно вода, а разная рухлядь превращалась в колеса, которые тут же сами собой вставляли под их огромные подбрюшья.

На движущиеся острова набивались сотни людей, многие сидели на самом краю, опасно прижимаясь друг к другу. Каждый тянула лошадь ростом выше церковного шпиля.

Фулкром с Лан за спиной подъехал к главному экипажу. Было холодно – впрочем, как всегда, – а двигаться все равно было необходимо. Монотонно гремели мерно вращающиеся гигантские колеса.

– Похоже, он вполне уютно устроился в нашем мире. – Лан показала на фра Меркури, стоявшего на холке одной из передних гигантских лошадей.

Фра Меркури – существо, призванное в этот мир жрецом, который сам его уже покинул, был на голову выше Фулкрома. Лицо его состояло из двух половин – костяной и металлической, и там, где они встречались, не было видно никакого шва или сращения – два материала естественно перетекали один в другой. Два вполне человеческих глаза, смотревших с этого чуждого по строению лица, обезоруживали знакомой простотой. Он носил темно-синий плащ, который странным образом включал в себя и другие оттенки, а под ним – плотно облегающий темный костюм, в котором Фулкром готов был заподозрить его собственную кожу.

– Для бога он необычайно скромен. Если он, конечно, бог.

– Не знаю, какая у него роль, – покачала головой Лан, – но я все равно рада, что он с нами.

Фулкром тоже не уставал благодарить судьбу за то, что она послала им этого таинственного фра Меркури. Ведь он не только создал массивные земляные экипажи, которые так облегчали им отступление, но всякий раз, когда с небесного города следовала очередная атака, вступал с нападающими в бой – нешуточный подвиг для такого старого и хрупкого человека.

Всякая остановка в пути давалась трудно и медленно, и, хотя люди шли уже несколько дней, торможение по-прежнему оставалось для их обоза сложным искусством.

Фулкром вынимал из кармана красную тряпицу, привязывал ее к палке и поднимал над головой, точно флаг. Показав таким образом солдатам, сопровождавшим головной экипаж, свое намерение остановиться, он во весь опор скакал в хвост колонны беженцев. Вот и теперь в плаще, развевающемся у него за плечами, и с Лан за спиной он мчался мимо грязных, замерзших, напуганных граждан империи. На ходу он размахивал своим импровизированным красным флажком и кричал солдатам, которых просил сопровождать колонну верхами – как для защиты, так и для поддержания духа беженцев, – чтобы те остановились.

Проезжая мимо, он видел, как десятки людей сразу хватались за поводья лошадей-великанов и начинали тянуть их что было сил, чтобы животные остановились. Постепенно в ответ на их усилия гигантские шаги сначала укорачивались, а потом и вовсе прекращались, и экипаж останавливался. Все, кто был на нем, глядели немного ошалело, точно вдруг пробудились ото сна.

Фулкром еще некоторое время продолжал скакать вдоль обоза, задерживаясь подле каждой абсурдно громадной четвероногой твари, чтобы убедиться, что ее пассажиры все поняли и начинают процесс остановки, и только тогда ехал дальше. Когда все экипажи встали, он еще раз проехал вдоль всего каравана, подняв вверх руку и растопырив пальцы. «Пять часов» – означал этот жест. Пять часов на отдых.

Остановки в пути делались нечасто – и из-за спешки, и из-за угрозы нападения пришельцев, которые преследовали их по пятам. К счастью, небесный город двигался медленно и сейчас был не более чем темной точкой на вечернем небе, так что Фулкром решил рискнуть и, разбив лагерь подле экипажей, дать людям отдых. Каждую ночь он не сводил глаз с горизонта за их спинами, бдительно следя за тем, чтобы не подпустить летающий город слишком близко.

Развели костры. Поставили самодельные палатки. На каждого беженца отмерили скудный паек, начали готовить ужин. Теперь, когда все оказались на земле, самое время было заняться больными и ранеными; Фулкрому удалось сколотить из беженцев профессиональную медицинскую бригаду, так что теперь можно было позволить себе роскошь делить страждущих на тех, кому помощь требовалась немедленно, и тех, кто мог немного подождать.

Фулкром был глубоко тронут и обрадован тем, как много кочевников, прежде живших в вечном страхе перед империей, предлагали теперь свою помощь ее пострадавшим гражданам. Они подкармливали их мясом добытых животных, отдавали им шкуры для тепла. Такая душевная широта произвела на Фулкрома глубокое впечатление: беженцы ничего не могли предложить кочевникам взамен, а те ничего и не ждали. Они просто привозили им свои дары, а сами растворялись в вечерних сумерках.

Люди бродили вокруг костров под темнеющим небом, и каждое лицо, на которое падал отблеск огня, хранило угрюмое выражение.

Хорошо хотя бы шок прошел. Поначалу многие из беженцев непрерывно тряслись и подвывали, точно безумцы, или просто не могли вымолвить ни слова. Однако теперь из состояния крайнего испуга большинство перешло в следующую стадию – угрюмого приятия реальности. Жизнь стала такой. И надо либо приспособиться к ней, либо умереть.

В краткие мгновения передышки Фулкром обычно болтал с солдатами, которым удалось вырваться из Виллджамура, и с теми из особенно политически ангажированных типов, которые смогли отодвинуть партийную рознь на второй план и направить свою энергию в русло активной помощи согражданам.

«Что ж, – думал про себя Фулкром, – в конце концов, анархисты в какой-то мере получили именно то, чего хотели».

Виллджамура больше не было. Император погиб. Совет не столько разогнали, сколько истребили. А вся колонна беженцев представляла собой, в сущности, не что иное, как сообщество самоорганизованных ячеек с равным распределением власти. Именно к этому стремились анархисты, хотя вряд ли ценой подобных разрушений. И то ли поэтому, то ли потому, что необходимость держаться вместе была очевидна для каждого, но в пути почти не возникало проблем, связанных с неравенством и эксплуатацией, от которых так часто страдали жители в Виллджамуре.

А еще воспоминания Фулкрома о городе были подпорчены его собственными страданиями последних дней. Он не мог забыть, как его бросили в камеру, как во время пыток отбили хвост, и все из-за каприза императора.

Наконец он вместе с другими старшими офицерами и сам устроился возле костра, куда к ним подошли сначала Лан, затем наконец Тейн. В краткие мгновения отдыха человек-кот предпочитал держаться в стороне – в основном из-за внешности, которой он стеснялся, не зная, что о нем подумают. Ведь среди беженцев у Лан и Тейна не было прежнего преимущества – их квартира на вершине утеса, обеспечивавшая им анонимность, осталась в виллджамурском прошлом.

Здесь им приходилось все время быть среди людей, а значит, постоянно сталкиваться с их страхом перед ними, перед их непохожестью на других.

– Тейн, – окликнул его Фулком. – Где ты был сегодня?

– В задних рядах по большей части, – ответил тот спокойно.

– Потасовка была? – спросил Фулком.

– Нет, – сказал Тейн, сгибая и разгибая руку так, словно у него затекли мышцы. – Для меня ничего не было. Но людям в самом конце все равно приходится туго, они там почти без прикрытия. – Тейн повысил голос, из которого начисто исчезли мягкие, мурлычущие нотки. – Все солдаты спрятались впереди, подальше от небесного города.

Двое солдат в форме городской стражи обернулись на его слова, показав лица с трехдневной щетиной.

– Что он там несет? – пробурчал один из них.

– Я говорю, – продолжал Тейн, – что вы боитесь оставаться в задних рядах и защищать людей, потому что там то и дело появляются любопытствующие парочки иноземных охотников, которые похищают больше людей, чем во время организованных атак.

– Все не так просто, – вмешался Фулком. И тут же обратился к солдатам: – Извините его. Пожалуйста, не обращайтесь на его слова внимания.

– Не обращать внимания? – фыркнул Тейн. – Да эти чертовы идиоты напрочь забыли, что значит работать.

Солдаты, быстро поднявшись, затопали к Тейну, едва не опрокинув Фулкрома в грязь.

Пока Фулком восстанавливал равновесие, Тейн уже обнажил когти. Вскочив с места, он занял боевую стойку: ноги на ширине плеч, руки разведены в стороны, словно для объятия.

– Ну давайте, подходите поближе, ребятки. Поближе, не бойтесь...

Вдруг что-то пронеслось в воздухе и оттащило Тейна в сторону. Это была Лан, она уволокла Тейна в лес, а Фулком уже бежал к разъяренным солдатам.

Поравнявшись с ними, он миролюбиво протянул руки:

– Прошу вас, джентльмены, нам не стоит драться друг с другом. Тейн очень напряжен – он совсем недавно потерял близкого друга, коллегу, его рана еще очень свежа. Мы все сейчас переживаем не самые легкие времена.

– Кто из нас ничего не потерял? – проворчал один из солдат. – Мы все потеряли друзей, родных, семьи, дома – все, ради чего мы жили и работали годами. Думаете, нам не больно?

Тейн стоял, склонив голову и бурно дыша. Лан помогала ему справиться с внезапной вспышкой гнева, столь неожиданной для Фулкрома. Если кто из героев Виллджамура и отличался вспыльчивостью, то это был Вулдон, а никак не Тейн. Но Вулдон погиб, прикрывая отступление жителей гибнувшего города.

Возможно, Тейн мучился чувством вины за то, что не оказался в нужный момент рядом с другом. От недавней стычки с солдатами ему явно полегчало, Фулком это видел. И то хорошо, ведь здесь, среди беженцев, у него не было ни повода, ни возможности острить, быть в центре внимания и вообще играть роль сердцееда, светского льва, завсегдатая модных вечеринок. Жизнь изменилась разительно и бесповоротно.

– Ребята, идите к костру, – позвал Фулком. – Погрейтесь, поешьте мяса: кочевники принесли.

– Ладно. – Солдаты устало повернули назад, к костру. Собравшиеся вокруг зеваки еще некоторое время глазели на них, с любопытством ожидая, что будет дальше, но скоро разошлись и они.

Фулком подошел к Тейну и Лан.

– Тейн, – начал он, – я знаю, я тебе теперь не командир, но по Бор знает какой причине люди решили, что многое здесь зависит от меня. Здесь немало таких, кто слабее тебя не только физически, но и духовно. Этим людям нужны поддержка, утешение, надежда, им надо помочь поверить в то, что жизнь еще не кончена, что за пределами этого путешествия их ждет что-то хорошее. Поэтому каждый раз, когда ты вот так срываешься, всем вокруг вера в добро дается тяжелее. И это сильно усложняет нашу задачу. Ты понимаешь?

Тейн поднял голову и посмотрел на него со всем достоинством, доступным ему в данной ситуации. Фулком видел, что с его языка уже готова была сорваться колкость или просто презрительное замечание, однако он удержался и промолчал, и, с точки зрения Фулкрома, это было лучшее, что он мог сделать.

Положив руку на плечо Тейну, он заглянул ему прямо в глаза. Кошачьи зрачки расширились, шерсть на лице трепетала от ветра. Тейн изрядно оброс с тех пор, как под влиянием культистских технологий преобразился в человека-кота, однако собственного достоинства и самоуважения в нем нисколько не убавилось. Даже теперь, после некрасивой стычки с солдатами.

– В чем дело? – мягко спросил его Фулком.

– Тебе не кажется, что все, что мы делаем сейчас, совершенно напрасно? – ответил тот своим привычным тоном завсегдатая светских вечеринок. – Всего пару дней назад мы еще могли строить планы и находить в них хоть небольшое, но все же утешение. Теперь пропала и такая возможность. И что нам остается делать, а?

– Продолжать путь, – отвечал Фулком. – Мы устраиваем привалы, во время которых к нам подходят еще люди, мы принимаем их в свои ряды, охраняем от возможных нападений и все вместе движемся дальше. Так и надо продолжать. Нельзя оглядываться, нельзя думать о худшем, хотя готовиться к нему следует.

Где-то вдалеке поднялся и завыл ветер. Небо стало цвета индиго, пламя костров румянило темноту под деревьями, в воздухе пахло жареным мясом. Люди у ближних костров ели, а подле них лежали поверх одеял короткие мечи и кинжалы – на случай внезапного нападения.

Было очень холодно – даже толстая румелья кожа не спасала Фулкрома, и он дрожал. Подошла Лан, обняла его за пояс, положив голову ему на грудь, и Фулком в который уже раз задал себе вопрос, как бы он справлялся со всем этим, если бы не она.

Его разбудили крики.

Он сбросил одеяло и резко сел. Лан была уже на ногах, она откинула простыню от входа, в палатку ворвался шум: одну сторону лесной поляны, где они остановились на ночлег, занимали земляные экипажи, другую – заполняли сбежавшиеся отовсюду люди.

Фулкром, пошатываясь, поднялся, отряхнул одежду. Скатал одеяла, запихнул их в небольшую сумку, которую забросил себе за спину, наклонился за стрелами, арбалетом и ножом.

– Что там происходит?! – прокричал он, хотя никого из солдат поблизости не было.

Вместе с Лан они растерянно всматривались в нависшую над лагерем темноту – костры уже успели прогореть и превратиться в тлеющие кучки пепла. Над лесом стояла одинокая луна, проливая на землю слабое сияние. Не меньше сотни человек разом пытались спрятаться за плотно стоявшими экипажами. И лишь совсем немногие солдаты ехали в другую сторону, обнажив оружие.

– Ты видишь Тейна? – спросила Лан.

– Нет. Это что, нападение? Я ничего не вижу.

Лан вытянула шею и посмотрела вверх:

– По крайней мере, не с воздуха. Сейчас посмотрю, в чем дело. – С этими словами она подскочила к ближайшему экипажу, ногой оттолкнулась от его гигантского колеса, легко взмыла ввысь и скрылась из виду.

«Эх, будь у меня такие способности», – подумал Фулкром, давя ногами комья замерзшей грязи. С сильно бьющимся сердцем он устремился к группе людей – мать, отец и несколько ребятишек торопливо тянули через поляну тележку с пожитками.

– В чем дело? – спросил их Фулкром.

Отец, худощавый бородач в растянутом свитере, встал и жестом велел своей семье двигаться дальше.

– Я вас догоню. – Затем, повернувшись к Фулкрому, продолжал: – Говорят, какие-то твари вылезли из дальнего конца леса и нападают на нас, сэр.

– Твари? – переспросил Фулкром. – Какие именно твари?

Мужчина, устало глядя на него, пожал плечами:

– Сам толком ничего не знаю. Как мне сказали, так я и передаю. Придется убираться отсюда еще до рассвета, вот и все.

– Ну хоть как они выглядят, тебе говорили? – настаивал Фулкром, подавляя в себе желание схватить мужичка за шиворот и встряхнуть как следует, чтобы тот проснулся. – Надо же мне иметь хоть какое-то представление.

– Говорят... говорят, сэр, что на нас напали призраки, вот все, что я слышал, клянусь. – Мужчина повертел головой из стороны в сторону, высматривая своих.

– Хорошо, спасибо, – вздохнул Фулкром и жестом отпустил его.

Бегущих все прибывало, и румель стал останавливать других и расспрашивать о том, что они видели. И опять ему говорили о духах, призраках, светящихся тварях. Но это были лишь слухи, сведения из вторых, а то и третьих рук, что совсем не устраивало Фулкрома.

Он бегом бросился к началу каравана. Там было тихо, несколько десятков солдат ждали, приготовившись к нападению, но сами в бой вступать не спешили – напротив, нерешительно топтались возле костра. За ними, стоя у копыт передней лошади, вглядывался во тьму Брат Меркури.

Солдаты вытянулись, отдавая Фулкрому честь.

«Какого черта они тут телятся?» – раздраженно подумал тот на бегу. Вслух сказал так:

– Всем добрый вечер, на западном краю каравана тревога. Люди ждут помощи.

– Мы не знаем, что нам делать, – отвечал солдатик помоложе. – Нам никто не отдавал никаких приказов.

– Хватайте мечи и луки и дуйте им на подмогу! – рявкнул Фулкром.

Двое переглянулись, до другого, постарше, кажется, дошло:

– Надо собрать всех, кто носит цвета империи, как раньше.

– Вот именно, – кивнул Фулкром, – и побыстрее. До меня дошли странные слухи – что-то насчет призраков. С такими нам еще не приходилось иметь дело.

Солдаты разделились: одни пошли за лошадьми, другие двинулись пешком. Караван стоял почти на краю леса, за ним простиралась обширная травянистая степь, сменявшаяся тундрой. И то и другое покрывал глубокий снег. И ни одного огонька вдали – ни города, ни даже деревни, только тьма и тьма, сколько хватало глаз.

Фулкром направился к фра Меркури, огибая по пути копыта гигантских лошадей, которые стояли удивительно тихо, словно изваяния.

Когда фра Меркури заговорил, его слова раздались прямо у Фулкрома в голове: «Что тебе еще нужно?»

– Кажется, на наши задние ряды напали. Люди говорят, что убийцы похожи на призраки – они прозрачные.

Фра Меркури задумался, не меняя выражения лица.

– Вы слышали, что я сказал? – спросил Фулкром.

«Конечно. Мне нужно время, чтобы вспомнить язык».

– Они из Поликароса? – продолжал Фулкром, пользуясь словом, которым обозначал небесный город фра Меркури.

«Да, – был ответ. – Я знаю, что они такое».

– Они опасны?

«Да, опасны».

– Вы сможете нам помочь?

Казалось, этому человеку – или этому полубогу – стоило немалых усилий дать положительный ответ. Странно, почему же он совсем не спешит?

«Я пойду с тобой, если так надо».

Оседлав двух черных кобыл, они двинулись к западному концу каравана. Фулкром восхищался грациозной посадкой фра Меркури в седле и легкостью, с которой тот управлял животным. Чем дальше на запад они продвигались, тем быстрее бежали навстречу им люди и тем более напуганными они выглядели.

Фулкром внимательно вглядывался в лес перед собой, но деревья стояли слишком плотно, не давая ничего разглядеть. Он уже стал думать, что совершил ошибку, решив заночевать с беженцами в лесу. Хотя в свое время ему казалось, что лес надежно укроет их со всех сторон, заодно обеспечив топливом для костров, а может быть, и пищей. Усилием воли он подавил в себе чувство вины: откуда он мог тогда знать, с чем они тут столкнутся.

Лица встречных были теперь не столько напуганными, сколько страдальческими; изда- лека доносились дикие крики, наконец Фулкром различил сквозь тьму какие-то светящиеся объекты.

– Ох ты... – вырвалось у него. – Что теперь делать?

Они достигли самого края каравана. Солдаты в цветах Джамуров и примкнувшая к ним городская милиция, всего около сотни, выстроились в одну линию, разделив поляну на две части. Лучники расположились по флангам и осыпали оттуда стрелами открытое пространство.

Приблизившись к солдатам, Фулкром из-за их спин увидел светящиеся бело-голубые фигуры, действительно очень похожие на призраков; они размахивали мечами. Безликие, с телами, представлявшими собой сплетения сухожилий и мышц, начисто лишенные кожи, на которых не было никаких доспехов. Только мечи в их руках производили впечатление вполне натуральных: огромные кривые лезвия мерцали, излучая собственный свет.

Двух джамурских солдат вдруг вышвырнуло из строя, и они отлетели назад; их руки, покрытые пузырями ожогов, кровоточили. Один потерял сознание сразу, другой вопил, его лицо было перекошено жуткой болью. Он кричал:

– Жжется, жжется, ой как жжется, уберите!

Его отнесли в сторону, где его крики перешли в хныканье.

Фулкром обшаривал взглядом ряды военных и гражданских в поисках Лан. Вот она, слава Бору, на крайнем левом фланге, вытаскивает двоих из зоны столкновения в безопасное место. Только тут Фулкром заметил мертвые тела – трупы мирных жителей лежали повсюду.

Как их много... на этот раз мы точно пропали.

Первая линия солдат двинулась вперед, позади них тут же сомкнулись щиты, прикрывая следующий ряд. Из седла Фулкрому хорошо было видно, как человеческие воины приближались к врагу, вызывая его на бой. Воины-призраки, кажется, не знали никакой дисциплины; они дрались, как кровожадные дикари, поэтому солдатам приходилось по большей части отражать их атаки. Духи все прибывали: еще двадцать, а то и сорок вышли на поляну сзади, из-за деревьев. Небесного города нигде не было видно, так что Фулкром не мог понять, откуда они появляются.

– Фра Меркури, – позвал он. – Пожалуйста, помогите. Дайте совет, что нам делать? Как их остановить?

Сначала полубог оставался недвижим, молча наблюдая за происходящим. Вопросов Фулкрома он словно и не услышал, но все же дал наконец своей лошади шенкелей и пустил ее в объезд неширокого джамурского строя.

Солдаты тем временем сделали шаг назад и снова сомкнули щиты, а лучники выпустили тучу стрел с флангов. Ни одна из них не поразила цель: все они пронзали призраков насквозь и втыкались в землю за ними, не причиняя ни малейшего вреда.

Тут на поле сражения появился фра Меркури и выехал сразу на самую его середину. Фулкром слышал, как он скомандовал джамурцам держать строй, а лучникам не стрелять. После этого он натянул поводья своей лошади, заставив ее остановиться, и вокруг сразу стало удивительно тихо. Призрачные воины перестали порхать по поляне и начали, похоже, совещаться друг с другом, сопровождая свои реплики плавными жестами. Их уже стало так много, что ночь на поляне как будто закончилась. Поначалу они просто роились в воздухе, паря и перетекая из точки в точку, но наконец определенно двинулись к фра Меркури, хотя и более настороженно и не столь стремительно, как раньше.

Фра Меркури, не сводя глаз с приближающихся силуэтов, внезапно завыл низким вибрирующим басом; почти мелодичный вначале, его голос быстро перешел в наглый рев.

Духи замерли на месте и как-то потускнели. Когда фра Меркури смолк, в них не осталось почти ничего сверхъестественного, зато заметно прибавилось плоти. Он протянул руку, и Фулкром потрясенно наблюдал, как меч вырвался из хватки джамурского солдата, полетел по воздуху и сам лег в протянутую длань полубога. Тот стиснул рукоять, сошел с седла на землю и пешком двинулся навстречу бывшим духам, которые сбились в кучу, точно перепуганные дети, и со страхом наблюдали за его приближением. Он поднял вторую руку, и еще один меч, вспоров воздух, покорно лег в нее.

Пока Фулкром силился осознать происшедшее, фра Меркури метнулся вперед и погрузил одно лезвие в грудь ближайшего врага. Едва меч коснулся его груди, как тот начал краснеть в точке соприкосновения, пока не вспыхнул изнутри ярким пламенем. Громко визжа, он заметался взад и вперед по поляне и наконец скрылся вдали, пылая, точно факел. Еще несколько устремились за ним вдогонку; едва они показали фра Меркури спины, как тот швырнул им вслед второй клинок, наподобие копья: достав еще одного из бегущих, меч вызвал новую вспышку пламени и пронзительные крики. И снова фра Меркури воздел обе руки вверх, точно пророк, и еще два меча выскользнули из рук ближайших солдат и покорно

легли в его раскрытые ладони. Так, одного за другим, фра Меркури отогнал всех призрачных воинов; последний, горя и завывая на ходу, скрылся за опушкой леса.

Удовлетворенный результатом, фра Меркури не спеша вернулся к своей кобыле и, не дожидаясь благодарностей и похвал, медленно тронул ее на восток, в обход джамурских солдат, которые молча глядели ему вслед, вытаращив глаза и широко разинув рты.

«Благородный поступок, – думал Фулкром, – зажечь погребальный костер для павших».

Пятьдесят три мертвых тела – все, что удалось обнаружить, – почти все со страшными ожогами или жуткими рваными ранами от столкновений с призраками. Те, кто выжил, сильно страдали от боли, многие долго не приходили в сознание.

Возвращаясь назад, к беженцам, Фулкром заметил Лан: она стояла на краю леса на коленях, обхватив руками чье-то бездыханное тело. Подъехав ближе, он увидел, что она дрожит, а по ее щекам текут слезы. Тело на сырой земле у ее ног было ему хорошо знакомо.

Тейн...

Он сделал глубокий вдох и склонился над ними.

– Он без сознания или... – начал Фулкром, указывая на тело Тейна.

Из-за сумерек и темной формы Тейна он не сразу смог понять, сколько крови потерял человек-кот, но глубокая резаная рана справа под ребрами сообщила ему все, что он хотел знать. Рука Фулкрома легла на плечо Лан.

– Он умер, – только и смогла выдавить она.

Фулкром помог ей подняться.

– Мы не всегда ладили, – заговорила Лан, – но он был одним из тех, на кого я могла положиться. Почему это должно было случиться именно с ним...

Фулкром ничего не ответил. Ему всегда было трудновато работать с Тейном: еще в Виллджамуре тот показал себя чрезмерно жестоким, хотя и эффективным борцом с преступностью. Что, однако, не мешало бывшему следователю испытывать к своему подопечному почти отеческие чувства, и теперь он был глубоко опечален.

– Ты видела, как это произошло?

– Он спас около дюжины людей от этих белых тварей, – сказала Лан, не выпуская Фулкрома из объятий. – Потом нашел клинок и бросился на них; тут его, видно, и достали. Я была на той стороне поляны, когда услышала его крик, – слишком далеко, к тому же наши пытались нападать, кругом была ужасная суматоха, и я не успела. Только когда бой передвинулся дальше, я смогла отыскать его. Он умер почти сразу после того, как я перенесла его сюда. Он умирал так тихо, – казалось, он не может произнести ни слова. Так странно.

Костер сложили наспех. Собрали весь более или менее сухой хворост, какой можно было найти в отсыревшем лесу, сложили в кучу, на нее уложили тела, завернув их в лохмотья, собранные по людям – кто что смог выделить для благого дела. Столб черного дыма поднялся над лесом и тут же отклонился ветром назад, в сторону Виллджамура, унося с собой к бывшему дому едкий запах горячей плоти. Фулкром сделал попытку уговорить фра Меркури вернуть к жизни Тейна, но богочеловек не обратил никакого внимания на его просьбы и просто удалился. Пришлось положить его тело на костер вместе с остальными.

Люди робко подходили проститься, и Фулкром видел, что многим из них не терпится покинуть это место, как и ему самому. Некоторые спрашивали, не безрассудно ли это – разводить такой костер, который лучше всякого маяка покажет преследователям их нынешнее местоположение, на что Фулкром отвечал всем одинаково: судя по всему, обитатели небесного города и так прекрасно осведомлены обо всех передвижениях беженцев, так что нет смысла из-за них отказывать павшим в последнем долге.

Костры необходимо было зажечь. Нельзя просто так бросать своих мертвых.

Фра Меркури тоже пришел на церемонию, но, сколько Фулкром ни расспрашивал его о том, что случилось, кто были те твари, что напали на беженцев, и каким образом он избавился от них, человекобог молчал. Для него это происшествие было не более чем мелким неудобством. Он стоял и глядел в огонь, отблески которого отражались в правой, металлической стороне его лица.

Фулкром и Лан подошли ближе и стали в обнимку: Лан положила голову ему на плечо, а он накрыл ее их общим одеялом.

– Как мы теперь доберемся до побережья? – шепнула она.

– Пока он за нас, – Фулкром кивнул на полубога, – не все потеряно. Вопрос в том, надолго ли это. Ради того, чтобы он попал в этот мир, было принесено немало жертв, а мы до сих пор не знаем ни кто он такой, ни что ему здесь нужно, ни, тем более, входит в его намерения довести нас до побережья или нет.

Глава четвертая

Она ждала его, укрывшись в старом дверном проеме в сердце Старого квартала Виллирена. Дигси обещал Джезе сводить ее сегодня куда-нибудь, а он всегда держал слово. Вместе они пойдут в ее любимое бistro, которое открыли на набережной вместо прежнего, того, где были вечно запотевшие окна и вкуснейшие крабовые пирожки. То бistro разрушили во время войны. Сначала Джеза ужасно по нему горевала, но скоро поняла, что глупо оплакивать бistro, когда кругом гибнут люди. И все же именно такие незначительные вещи, как потеря мелких удовольствий, которые раньше воспринимались как нечто само собой разумеющееся, а теперь вдруг исчезли навсегда, доставляли ей особенно сильную боль.

После войны многое переменялось. Вопросы, казавшиеся такими значительными раньше – к примеру, что надеть или где поесть вечером, – теперь утратили свою остроту на фоне тысяч мертвых тел, которые ежедневно убирали с городских улиц. Прежние споры и разногласия тоже потеряли смысл. Заглянув смерти в лицо и почувствовав ее ужасающую близость, Джезе хотелось лишь одного – жить и работать, делать, создавать что-нибудь, хотя она пока сама толком не знала что.

А вот и Дигси, идет вразвалочку по улице. Надо же, причесался, да и штаны надел не такие страшные. И куртку с капюшоном, ту самую, которую она заказала для него на деньги, вырученные от продажи партии левых реликвий. При виде его у нее потеплело на душе. Она широко улыбнулась.

Он подошел, и они поцеловались. От него сегодня хорошо пахло, на языке чувствовался вкус мяты. Когда они пошли, он продолжал обнимать ее одной рукой за плечи, и ей нравилось, что между ними все так просто. На небе стали появляться звезды.

Все было хорошо.

– Чем думаешь заняться дальше? – спросил Дигси, отправляя в рот кусок молодого вареного трилобита. Она подсмеивалась над ним, пока он неуклюже возился с жестким панцирем, но и сама, в свою очередь, справилась не лучше. В какой-то момент она даже пожалела, что не захватила с собой пару инструментов из лаборатории, но потом подумала, что вряд ли это пришлось бы по вкусу хозяевам заведения.

«Скорбной Осой...» – подумала она. Панцирь был крепкий. Как доспехи.

– Думаю, пора приступать к Скорбной Осе вплотную, – сказала Джеза. – Надо нам поработать на армию – на того альбиноса, – и если мы не станем тянуть волынку, а возьмемся за дело как следует, то наверняка получим заказ.

Официантка – хромоножка средних лет – подошла к ним принять заказ на выпивку. Джеза взяла вина, а Дигси ограничился водой, как обычно. При этом он смерил ее самодовольным взглядом, как всегда, когда она пила.

– Все в порядке, – произнесла она.

– Тебе не кажется, что ты много пьешь в последнее время? – спросил он невинным тоном. И широко улыбнулся, приглашая ее посмеяться вместе – мол, без обид.

– Мне нравится вкус вина. А еще оно помогает расслабиться. Когда весь день думаешь о мышечных матрицах, к вечеру мозгам, хочешь не хочешь, нужен отдых.

– Знаю, просто я за тебя волнуюсь, вот и все.

Пока официантка звенела бутылками и стаканами у барной стойки, Джеза огляделась. Заведение сильно отличалось от того, прежнего, в гавани – здесь не было неподражаемого запаха моря, да и окна, можно сказать, блестели, однако в нем было свое очарование: лоснящиеся крышки деревянных столов, каменные плиты на полу, под высоким потолком мощные деревянные балки с установленными на них для красоты бутылками, иные со свечами.

– Думаю, ты права, – сказал Дигси.

– Что?

– Насчет того, чем нам следует заняться дальше. Закорешиться с армией. Я на твоей стороне. И все в Фактории пятьдесят четыре тоже. – Подавшись вперед, он взял ее руку в свою. – Слушай, я хочу попросить тебя кое о чем.

– Валяй, – ответила она безразлично. На самом деле от волнения у нее едва не выскочило сердце.

– Знаешь, я тут поговорил с остальными, – начал он, – и мы все сошлись на том, что нам нужен представитель. Ну, типа, начальник. Раньше-то мы якшались только с такими же, как мы, а теперь, когда мы собираемся выйти за пределы своего круга, нам нужен лидер. Кто-то должен вести переговоры от нашего имени. Мы больше не дети, пора нам браться за ум. Вот мы и решили: давай ты будешь заведовать всеми этими делами. Ну, вроде как приглядывать за нашей бандой из Фактории пятьдесят четыре...

– Ой. То есть, в смысле... да. Я с удовольствием. Правда, я думала, что ты попросишь меня о другом...

– Это о чем же? – поинтересовался он игриво.

Выйти за тебя замуж.

– Да так, ни о чем, – солгала Джеза. – Насчет того, что ты сейчас сказал. Ты уверен, что все этого хотят?

– Ага, все. Даже Корен. – Дигси не удержался от усмешки. – Думаю, и Лим хотел бы того же, будь он с нами.

На мгновение она опустила взгляд. Потом снова посмотрела на Дигси.

– И что я должна буду делать?

– Голова у тебя работает как надо, мы все это знаем. Ты никогда не упускаешь из виду картину в целом, пока мы путаемся в деталях. Корен тоже умен, но он слишком занят собой. Я чересчур ленив, меня все устраивает как есть.

– А Пилли?

Дигси пожал плечами:

– Ты умная, Джеза. Тебе и иметь дело с этим типом – командующим армией. У тебя наверняка получится.

– Ты правда так думаешь?

– Правда. Может, поэтому меня и беспокоит, что ты так много пьешь.

– И вовсе не много, – возразила Джеза, нахмурившись, но внутренне едва сдерживая ликование. Она потянулась через стол и поцеловала Дигси, потом снова откинулась на спинку стула, довольная и полная решимости заняться делом. Но сначала надо было все-таки закончить обед, что она и сделала, с удивлением отметив, насколько вкуснее стала вдруг еда.

Закончив ужин, они отправились домой, в свою комнату на самом верху Фактории-54.

Жилье было не ахти какое, но лучше, чем у большинства культистов, вынужденных довольствоваться каморками без окон, где помещалось только самое необходимое, а у них все добро было как-никак под рукой. Да и вся их жизнь была так или иначе связана с факторией. Каждый организм, каждый прибор и каждая реликвия, с которыми они работали, создавались их командой именно здесь. И не только работа – еда, секс, все было здесь, под одной крышей.

Час был поздний, почти тринадцать, и Джеза, немного пьяная от вина, пошатываясь, стала подниматься вверх по ржавой металлической лестнице. Внезапно осознав, какой грохот она производит своими башмаками, девушка сначала остановилась, а потом двинулась дальше, нарочито осторожно ступая на цыпочки, как актер в пантомиме. Дигси за ее спиной фыркнул от смеха и подтолкнул ее к их общей спальне.

Когда дверь открылась, Дджеза потащила Дигси к кровати; одинокий лунный луч упирался за ней в стену. Как попало стянув одежду сначала с него, потом с себя, Дджеза затащила своего компаньона под одеяло.

Он был нежен, слишком нежен и слишком медлителен временами, когда ей хотелось большего. Он ласкал ее языком, и она была благодарна ему за это, но все равно, его робость временами раздражала.

Хватит...

Дджеза толкнула его на спину, забралась сверху и, убедившись, что он вошел в нее как надо, начала агрессивно его трахать.

Скоро оба уже лежали бок о бок, часто дыша и обливаясь потом. Ей было хорошо, хотя его хватило всего минут на пять. И почему с симпатичными парнями всегда такая проблема? Может, они просто не стараются? Но ведь это всего лишь четвертая их ночь вместе. Может, все еще наладится, когда они привыкнут друг к другу.

Комнату словно заволочло туманом, вкус алкоголя еще чувствовался во рту, и Дджеза, довольная, отключилась.

Ночью Дджеза вскочила, сама не своя от страха. Дигси спал рядом, свесив руку с кровати; натянув на него простыню, чтобы он не замерз, она выскользнула из постели, подошла к окну и стала смотреть на улицу позади Фактории-54.

Обе луны прятались где-то за облаками или за горизонтом, кругом было темно. Голая Дджеза быстро замерзла, страх перед ответственностью, которую она готова была взвалить на себя, не давал покоя.

Вдруг ей вспомнились голоса войны. Совсем не так давно улицы перед их окнами были буквально запружены повозками, которые вывозили мертвые тела из центра города. Чем больше их становилось, тем громче делались крики людей вокруг. Некоторые тела на повозках были без рук или без ног, и она, хотя и привыкла иметь в своих экспериментах дело с живой плотью, все же не настолько утратила чувствительность, чтобы не понимать: перед ней не куклы, а люди, которые еще совсем недавно были живыми.

В свое время вся команда Фактории-54 испытывала чувство вины за то, что они выжили, когда другие погибли. Всем хотелось внести свой вклад в войну, но Дджеза тогда решительно заявила, что их помощь в том, чтобы заниматься своим делом, которое они знают и которое получается у них лучше всего, а не в том, чтобы покорно пойти и умереть вместе с остальными. И вот наконец их время настало. Она знала это наверняка и была рада, что командующий отнесся к ним серьезно и говорил с ними как с настоящими людьми, не выказывая им своего пренебрежения, как с другими культистами.

Ей было всего восемнадцать лет. Ей еще хотелось учиться, веселиться с друзьями и спать с Дигси. Но если она станет представлять за всех, кто работал в Фактории-54, не значит ли это, что она сама превратится в командира? А когда они начнут зарабатывать большие деньги, кто будет отвечать за их распределение – неужели тоже она? И неужели это ей предстоит убедить командующего в том, что они способны выдержать сроки?

То, что казалось такой чудесной новостью в бистро, теперь тревожило ее так сильно, что сон как рукой сняло.

Тогда Дджеза подошла к столику возле кровати, достала из ящика блокнот и принялась тут же делать наброски нового монстра, такого, от которого будет прок в войне вроде той, что была недавно.

– Ты чего там? – спросил Дигси, едва ворочая языком спросонья.

– Я... – Она помолчала. – Да так, проект один обдумываю.

– Ты спятила? – сказал он и улыбнулся. – Я знал, что тебе понравится отвечать за все дело. Только давай подумаем об этом утром, а?

– Ага, – ответила она. Со вздохом отложила блокнот и забралась в постель, где на нее навалилось теплое тело Дигси.

Утром Джеза с блокнотом под мышкой спускалась по металлической лестнице. Внизу был беспорядок, и она, положив блокнот на край стола, начала убирать грязные стаканы и тарелки, корки хлеба и засохшие ломтики сыра, оставшиеся от вчерашней трапезы. Все еще спали; она часто вставала первой и наслаждалась утренней тишиной. Вот и теперь, прибираясь, она сосредоточилась на своих мыслях, пока вокруг еще не стало шумно и Корен не сыплет своими островами направо и налево.

В здании было холодно, и она начала с того, что растопила огненным зерном плиту, от которой они провели трубы во все помещения бывшей фабрики, так что получилась единая, вполне прилично функционирующая система. Огонь сначала закашлялся и едва не захлебнулся, точно начинающий курильщик первой сигаретой, но пламя вскоре занялось и разгорелось, выбрасывая искры.

Обычно это служило сигналом к пробуждению, вот и сегодня наверху вскоре захлопали двери, с грохотом задвигались ящики.

– Черт побери, Джеза! Ты что, вообще никогда не спишь, что ли? – Это был Корен, он тяжело топал по металлическим ступеням лестницы, гремя башмаками.

Вскоре после него вниз грациозно спорхнула Пилли, в модном джемпере и высоких ботинках с распущенными шнурками. Пройдя в кухонный отсек, она сказала «доброе утро», повернула рукоятку плиты и поставила на конфорку чайник.

Все трое как раз сели за грубо сколоченный, испещренный пятнами стол, когда солнце, поравнявшись с коньком соседней крыши, протянуло к ним первый утренний луч. На плите запел чайник; наверху чихала огненным зерном отопительная система.

– Чья сегодня очередь готовить завтрак? – спросил Корен, поочередно глянув на каждую из девушек. И зевнул.

– Твоя, – ответила ему Джеза, сопроводив свои слова сердитым взглядом.

Пилли улыбнулась и собрала волосы, чтобы скрепить их на затылке.

– Неужели ты рискнешь снова подпустить его к плите после того, что он устроил в прошлый раз? Готовить при помощи реликвий, это же надо было додуматься!

– Ну и что, рыба-то оказалась съедобная! – возмутился Корен. – И вкусная.

– Ага, когда Дигси отскреб ее от потолка.

Джеза встала, прервав их спор:

– Ладно, пойду сварю овсянку. Довольны?

После завтрака Джеза собрала за столом всех – Пилли, Дигси, Корена и Горри – и перешла к делу. Сначала она хотела выступить с чем-то вроде формального заявления, чтобы прояснить все раз и навсегда. Она даже стала готовить небольшую речь, но все, что пришло ей в голову, показалось ей смехотворным. Тогда она решила вообще не упоминать о переменах в своем статусе – в конце концов, в команде она занимает то же положение, что и прежде, официально представлять своих товарищей она будет в глазах всего остального мира.

– Значит, так, – начала она, – чтобы закончить с военными...

– Я волнуюсь, – выпалил, глядя на нее, Горри. Рыжий паренек улыбался. – Мы сделаем кучу денег.

– Дело не только в деньгах, – сказала Пилли. – Лично мне больше всего нравится то, что нас наконец признают. А вам?

– Ясно, чего тебе беспокоиться о деньгах, ты же у нас богатенькая девочка, – возразил Корен, откидываясь на стуле и хватаясь руками за край стола, – а для нас, отребья, это будет целый капитал, которого нам хватит на долгие годы.

– Эй, ребята! – одернула их Джеза. – Рано еще говорить и о деньгах, и о престиже. Может, обсудим лучше, что нам надо сделать, прежде чем делить деньги, которых мы еще не заработали?

– Валяй, – отозвался Корен.

– Хорошо, – сказала Джеза. – Если наш план сработает – даже если нет, мы все равно сможем продать эти штуки, – так вот, если он сработает, то они наверняка захотят получить животных для использования в боевых действиях, что-то вроде оружия. Думаю, что для этого нам придется запустить в массовое производство Скорбных Ос. Но для начала почему бы нам не продать солдатам то, что у них, в сущности, уже есть и что мы сможем размножить без проблем в ближайшее время?

– Массовое производство биологических образцов? – переспросил Дигси. – Ты о монстрах?

– Не совсем. Мне кажется, мы могли бы дать им более сильных и крупных солдат – для начала путем элементарного усиления доспехов. То есть для начального увеличения их боеспособности не потребуется ничего особенного – только наши доспехи и они сами.

– Хм, – протянул Корен задумчиво. – Звучит неплохо, но скучновато как-то.

– Считай это первым вложением капитала, – сказала Джеза. – Не надо их сразу пугать. Пусть у них сначала прибавится уверенности, а то ведь они могут и не захотеть воевать бок о бок с тем, что мы можем смастерить для них. Будем приучать их постепенно.

– Ты так говоришь, как будто мы штампует монстров, – возмутился Дигси. – На самом деле на разработку одного улучшения уходит иногда до нескольких недель. Сколько у нас есть времени?

– Если применить теорию времени Лима, то, думаю, мы сможем произвести то, что я имею в виду, в довольно короткие сроки.

– Теория времени... – кивнул Корен. – Вот это уже лучше.

– Вот какая у меня идея... – Джеза положила свой блокнот на середину стола и начала объяснять, что в нем нарисовано. – Я тут подумала – а почему бы не рыцари, они ведь всегда ассоциировались с благородством. К тому же они хорошо дерутся. Вот так выглядел рыцарь в древности, только представьте его не в железных, а в биологических доспехах. Мы можем взять у того окуна, которого мы захватили сразу после нашествия, образец панцирной ткани и скопировать так, чтобы изготовить из него доспех, как на рисунке. И тогда мы получим более или менее стандартного солдата, только более устойчивого к внешним воздействиям.

– А откуда ты знаешь, что он вообще сможет нормально сражаться? – спросила Пилли. – Солдату ведь нужна определенная сноровка на поле боя.

– Ты не поняла. Сначала мы не будем создавать никаких существ. Просто сделаем доспехи и продадим их солдатам. Соединив процесс копирования с теорией времени, мы сможем наделать их столько, сколько понадобится. Они будут достаточно большие, чтобы поместить внутрь солдата, и легкие, как ткань, так что ничуть не помешают в бою. А уж поставив производство доспехов на поток, мы подумаем, как наполнить их живыми клонами.

Все погрузились в размышления, уставившись на ее рисунки.

– Как эта штука называется? – поинтересовался Корен.

– Не знаю. Может быть, «доспех Черного Рыцаря»? – предложила Джеза. – По-моему, военным должно понравиться.

Корен снова кивнул.

– И что, этот панцирь легко формуется? Его можно копировать?

Джеза перевела взгляд на Дигси:

– Как по-твоему?

Дигси откинулся на стуле так далеко назад, что две передние ножки поднялись в воздух, и ему пришлось ухватиться руками за край стола, чтобы не упасть. Подумав над рисунком еще немного, он сказал:

– Да, мы ведь уже делали такое раньше, правда, Пилли?

Джеза почувствовала, как у нее внезапно участился пульс, но отогнала тревогу. *Не время и не место...*

– Разумеется, – отозвалась Пилли. – Джеза, ты гений.

Корен сказал:

– Похоже, мы не ошиблись, выбрав тебя старшей.

– Согласна, – поддержала Пилли.

– Я тоже, – присоединился к ним Горри.

Корен встал и широко улыбнулся:

– Но это не освобождает тебя от обязанности готовить напитки. Ставь чайник. Я хочу чаю.

Окуна они нашли, когда в Виллирене шли бои. Именно тогда они отправились в Скархауз, проверить слухи о недавно обнаруженных там реликвиях. Им во что бы то ни стало хотелось добраться до них раньше, чем их приберут к рукам другие культисты или бандиты, которые наверняка выставили бы их на черный рынок.

Первым труп углядел Лим. Тварь, наверное, отбилась от своих и погибла от глубоких ран на груди и шее, однако большая часть тела не пострадала. Позабыв о реликвиях, Лим схватил труп и потащил его в проулок, где спрятал до прихода остальных; сообщая они решили оставить его себе.

Все вместе они перенесли тело в здание фабрики. Там они принялись его изучать, надеясь обнаружить что-нибудь полезное для военных. Джеза еще тогда подумала, что для них это прекрасный способ справиться с чувством вины, вызванным неучастием в боевых действиях. В особенности от него страдали парни – им прежде всего хотелось что-то делать, сражаться активно. Правда, они с Пилли твердо пообещали друг другу, что тоже пойдут в армию, если ребята запишутся в солдаты, – чтобы не разлучаться. Но до этого не дошло; все пятеро остались у себя на фабрике, прислушиваясь к войне издали и время от времени спускаясь в подвальную лабораторию, когда угроза прорыва врагом линии фронта становилась особенно ощутимой. Однако никакого прорыва не произошло.

Она так и не узнала, как именно был убит Лим. Случилась очередная схватка, и его тело нашли на улице – вскоре после окуна. Парень истек кровью до смерти – у него была перерезана артерия. Возможно, он все же поучаствовал в бою, а может, и просто напоролся на бандитов – в Виллирене тогда случалось всякое.

Город полнился слухами о свирепости окунов. Сначала речь шла о том, что они перерезали всех людей и румелей на одном из северных островов, не оставив там ни одной живой души, потом стали говорить, что в гавань Виллирена вошли огромные железные штуковины, и из их трюмов буквально хлынули окуны, затопляя собой улицы и с легкостью кося людей направо и налево. Как главнокомандующий сумел одержать над ними верх, население Фабрики-54 так и не узнало, но он как-то справился, и угроза нового нашествия окунов миновала – по крайней мере, временно.

Тогда Джеза нашла окунов чудовищной формой жизни, куда более устрашающей, чем все, что они могли надеяться создать. Лим еще заметил, что природа иногда сходит с ума и творит такое, что никакому воображению и в страшном сне не привидится.

Окуны были огромного роста, они ходили на двух ногах и носили панцири, как у крабов, сильно напоминая помесь гоминидов с ракообразными. В то же время их сходство с людьми не вызывало сомнений – у них были человеческие глаза, руки, ноги, все парами, что скорее наводило на мысль об их земном происхождении в результате какой-то непредвиденной мутации, чем о вмешательстве иномирного разума. Однако военные придерживались именно такой точки зрения: окуны просачиваются к нам из иного мира, хотя многие люди сомневались.

Притащив дохлого окуна к себе на фабрику, молодые люди сразу взялись за его вскрытие. Лим хотел знать все о его внутреннем устройстве, о том, как работают его органы, как двигаются мышцы. Он закатал рукава, приготовил инструменты, и все принялись за дело.

Сначала они выпустили из него всю черную едкую жидкость, которая с тех пор так и стояла в контейнерах. После этого они решили вскрыть его панцирь, но в конце концов прибегли к другому средству: распилили суставы и панцирные сочленения, а потом вырезали мягкие ткани изнутри, сохранив таким образом закрывавшие их пластины неповрежденными. Всего их набралось около трех сотен разных форм и размеров: самая крупная защищала грудь, самые мелкие прикрывали места роста когтей. То, что они увидели внутри, под панцирем, поразило их своим сходством с анатомией человека или румеля, хотя и, несомненно, усиленной неизвестными этому миру приемами, так что результаты внушали трепет. У этого существа была пара сердец, по размерам немного превосходящих человеческие, и две пары органов, аналогичных легким. Соответственно, его тело обладало большим количеством трубок, напоминавших вены и артерии, а еще в его плоть были встроены непонятные проводки медно-красного цвета, идущие сквозь шею в голову.

Именно голову оказалось труднее всего вскрыть. Ребята пустили в дело все бывшие в их распоряжении инструменты, и все равно пришлось прибегать к реликвиям: с их помощью в боковой стенке головы прожгли отверстие. Когда череп наконец был взломан, исследователи застыли, раскрыв рты: внутри они увидели клубок проволоки, не толще человеческого волоса, и дюжины мелких металлических квадратиков с вытравленным на них решетчатым рисунком, поверх которого было что-то напаяно. Еще там были предметы, похожие на драгоценные камни, их исследователи так и не смогли опознать; они покоились в желеобразной субстанции, которая при прикосновении прожгла их одежду, но не повредила кожу. Она была и органической, и механической одновременно, причем без всякой ясно опознаваемой структуры.

От окуна, самого страшного и удивительного существа из всех, каких они видели в жизни, осталась груда фрагментов. Дни напролет все члены группы ломали над ними головы, пытаясь извлечь из них что-то полезное. Они подробно зарисовывали, как соединяются друг с другом разные части тела, составляли списки материалов, из которых, предположительно, могли быть изготовлены те или иные органы, подвергали их воздействию разных земных субстанций и тщательно фиксировали результаты. И все же сложность устройства этого организма заставила их признать свое поражение. Перед ними было нечто, превышавшее возможности их понимания.

Исключением оказался лишь панцирь.

Он сильно напоминал хитин, встречавшийся повсеместно на островах архипелага, с той только разницей, что был более плотным, гибким и совершенно непроницаемым. Они решили воспроизвести его, и Лим, при помощи Джезы, начал использовать одну особенно крупную обнаруженную ими реликвию для создания отливочных форм, при помощи которых они надеялись повторить самые большие части.

Вспоминая теперь об этом, Джеза поняла, чем ей нравилось работать с Лимом. Он был очень эмоционален, его волновало не только что она думает, но и что чувствует во время работы. К ее мыслям он прислушивался как к своим собственным, он доверял ее интуиции

и ни разу не отверг ни одной ее идеи, какими бы бредовыми они не казались. Он улавливал оттенки ее мыслей и настроений, а еще ее завораживал его акцент уроженца Варлтунга и скуластое лицо. Оглядываясь теперь назад, она не сомневалась, что испытывала к нему глубокое, искреннее чувство. Ничего подобного в ней не вызывал ни один мужчина. И уж конечно, не Дигси – она прекрасно отдавала себе отчет в том, что их отношения основаны на плотском влечении, не более того. А вот Лима подобные вещи, похоже, не интересовали: он никогда не говорил ни о любви, ни о женщинах. Его страстью были открытия. Джеза любила его за непредсказуемость. Несмотря на ее научный склад ума, Лим так и остался для нее загадкой.

И почему я тогда молчала?

При свете дня, заливавшего помещения фактории сквозь большое круглое окно верхнего этажа, ребята принесли со склада черный лоснящийся панцирь и разложили его на рабочем столе.

Разделив его на несколько больших частей, они долго перебирали фрагменты, решая, на чем лучше остановиться; наконец выбрали нагрудную пластину.

– Надо начать с нее, – сказала Джеза, – ведь она закрывает все жизненно важные человеческие органы...

– Говори за себя, – фыркнул Корен, схватившись рукой за промежность, словно для того, чтобы всем было понятнее, о чем он.

– Дурак, – вздохнула Джеза. И продолжила развивать свою мысль: – Она прикроет главное: сердце, легкие, все то, что нельзя подлатать на поле боя.

Джеза зажигала фонари, пока Корен и Дигси собирали реликвии и инструменты. Потом она принесла из комнаты Лима его блокноты, и еще целый час они разбирали его подробные записки, большая часть которых представляла собой инструкции к разным реликвиям.

– Ты в порядке? – спросил ее Дигси. – Какая-то ты расстроенная.

– Я просто думаю, – ответила она. Неужели она и впрямь все еще переживает смерть Лима? Странно было видеть слова, написанные его рукой: ей казалось, будто он жив и снова рядом, и это ощущение было столь сильным, что ей приходилось напоминать себе, что он умер, его больше нет. *Я должна его отпустить.*

Две реликвии промышленных размеров подтащили и поставили по обе стороны от панцирной пластины. Реликвии были известны как халдороры. «Истинное слово» – так в переводе назывался этот механизм, который помогал транслировать и ретранслировать любые предметы, а при необходимости и дублировать их в любой форме и в любом виде, по желанию того, кто управлял им. Механизмы были ростом с Джезу, их корпуса из серебра и меди покрывали письма, подобных которым они не видели ни в одной книге и, уж конечно, не могли прочесть.

Джеза настроила механизмы по инструкциям Лима – рассчитанным, правда, на живых существ – и передвинула один чуть дальше, так, чтобы они не стояли точно друг против друга, как раньше. Затем она изменила частоту и другие параметры на всех шестнадцати датчиках, которые они пристроили к приборам сами, в основном методом проб и ошибок.

Для активации реликвий требовалось ввести бронзовый цилиндр длиной с ее руку в щель на задней панели. Процесс этот вызвал немало грубых шуток и примитивного веселья со стороны Корена. Дигси сделал то же со вторым механизмом, и вскоре паутина пурпурных лучей окутала весь панцирь и заиграла в воздухе над ним. Джеза всегда восхищалась этим явлением, ведь всякий раз, когда фиолетовые искры с треском рассекали пространство, срабатывала древняя магия, и ее волшебный свет перекрывал бездну в десятки тысяч лет. Все ее соратники молчали, никто не шутил, не переговаривался: процесс требовал сосредоточенности.

В подтверждение теории Лима рядом с первой панцирной пластиной начала проявляться вторая. Когда она материализовалась полностью, окруженная отдельной сетью фиолетовых искр, Джеза выключила один механизм, Дигси – второй. Погудев немного, реликвии смолкли, оставив лишь запах паленой кожи да легкий дымок, как будто чиркнули спичкой.

Джеза и Корен приблизились к клонированному объекту и склонились над ним, ожидая, когда рассеется голубоватый дымок. Наконец Корен поддел его сначала металлическим прутом, убеждаясь, что объект настоящий, что это физический предмет, а не какая-нибудь иллюзия; позже, уже с большей уверенностью, он коснулся его пальцем.

– Тепленький еще, – отметил он и подождал, пока Дигси и Джеза отволокут холдороры подальше.

Только тогда Корен взял оригинальную пластину в одну руку, а ее копию – в другую. Остальные молча наблюдали за ним. Он помотал пластинами из стороны в сторону, повертел их в воздухе:

– На вес одинаковые, на ощупь тоже.

– Сдается мне, Лим никогда не ошибался, – произнес Дигси.

– Мы покажем это военным? – спросил Корен и положил пластины на пол. Остальные смотрели на Джезу, ожидая, пока она заговорит. Ощущение было для нее новым, но не сказать, чтобы неприятным.

– Нам необходимо добиться, чтобы нас перестали воспринимать как лжекультистов и даже, чего греха таить, приторговывающий реликвиями сброд. В нас должны видеть профессионалов, людей, с которыми можно иметь дело. Хотя для большинства обывателей мы все равно останемся чем-то вроде колдунов, которые читают руны и бормочут непонятные заклятия...

– Хватит про них... – перебил ее Дигси.

– Теперь, когда мы научились копировать эти штуки, нам следует пойти дальше, – продолжала Джеза, – и продемонстрировать военным полный доспех. Поэтому я считаю, что сейчас нам надо приложить все усилия, чтобы завершить начатое. Но сначала мы напишем командирующему и пригласим его к нам. Пусть он придет, посмотрит и, скорее всего, заинтересуется. Сейчас самое время. Позже, когда мы усовершенствуем эту штуку и он увидит, что мы на самом деле намерены ему продать, деньги армии потекут в наши карманы рекой.

– Вот это дело, – сказал Корен и хлопнул ее по спине.

Дигси тепло улыбнулся и приобнял ее характерным уверенным жестом, но от ее взгляда не укрылось, как Пилли отвернулась и стала что-то перебирать на рабочем столе.

Глава пятая

Она снова была в Виллджамуре, с Рикой.

Теплый солнечный свет, который сочился сквозь роскошные шторы, почему-то подсказывал ей, что это неправда, хотя она и не понимала почему. Стены украшали яркие драпировки, постель была застлана цветным одеялом, на полках стояли любые книги, какие она могла пожелать, игрушки и безделушки пестрым ковром устилали пол. И все было совсем новеньким. Прямо с иголочки. За дверью спальни, как обычно, шла какая-то возня, которую она связала с отцом и его окружением.

Иногда, прислушиваясь к подобным звукам, она закрывала глаза и мечтала, что вот сейчас войдет отец, хотя бы только на минуточку, посмотреть, как у них с сестрой дела, как настроение, чем они заняты. Такое случалось, но очень редко. А теперь... теперь она почему-то поняла, что Рики нет. Постель ее стояла неубранной, так что Рики явно была здесь еще недавно, но куда подевалась, непонятно. Эйр окликнула сестру; никакого ответа. Она была одна.

Эйр со вздохом потянулась, села на кровати, потом встала и подошла к окну, чувствуя необыкновенную тяжесть в ногах. Каждый шаг давался ей с трудом. И снова она поняла: что-то не так – ее черные волосы были куда короче, чем прежде.

Она раздвинула шторы – в комнату хлынул свет, и она долго жмурилась, прежде чем смогла взглянуть на крыши Виллджамура. Неизменно завораживающий и вечно прекрасный вид поражал ее своей сложностью и новизной, сколько бы она на него ни смотрела. И каждый раз, созерцая многочисленные уровни города, спиралями уходящие вниз, и пронзающие их гордые шпили, иногда теряющиеся в тумане, она чувствовала, как ее наполняет счастливая легкость.

Мимо пролетела гаруда, описывая над городом круг. Вот она свернула и направилась к ней. Крылатый воин приближался, распластав могучие крылья, бронза его нагрудного панциря сверкала в лучах утреннего солнца. Поравнявшись с ее окном, он со стуком ударился о раму и ухватился рукой за ее край.

Его лицо выражало страх. Свободной рукой он делал знаки, явно пытаясь что-то ей сказать, но она его не понимала.

– В чем дело?! – крикнула она и, приподнявшись на цыпочки, попыталась открыть задвижку.

Ничего не вышло.

– В чем дело? – снова повторила она. – Что случилось?

Из сна ее вырвал тычок под ребра. Она открыла глаза в полутемной, нетопленной спальне, ветер грохотал чем-то за окном, в постели рядом с ней был мужчина.

Сказать по правде, против последнего она совсем не возражала. Рандур смотрел на нее ласково, волосы спросонья падали ему на лицо. Он приподнялся на локте, и светлая тонкая туника, слишком свободная для его стройного, гибкого тела соскользнула с его плеча.

– Тебе снился сон, – сказал он.

Постепенно осознавая реальность, она прижалась к нему.

– Я... у меня было такое ощущение, хотя я и спала, – призналась она. – Я почему-то знала.

– Везучая ты. Если бы я всегда знал, когда я сплю, а когда бодрствую, то уж наверняка приснил бы себе местечко потеплее этого ледяного замка.

– Замерз, так надень что-нибудь теплое, – посоветовала она, протирая глаза.

– Ну вот еще! Я же с островов, а у нас люди предпочитают спать голышом, по возможности. Так куда удобнее.

– Ты на своих островах вечно скакал из одной постели в другую, так что тебе пришлось держать задницу прикрытой.

– Точно, но теперь я однолюб. – С этими словами он повернулся на спину и сделал движение, чтобы поцеловать ее в плечо. Когда он коснулся ее губами, ощущение его теплого дыхания на ее коже показалось ей чрезвычайно волнующим. И таким далеким от ее сна. – Пора бы тебе запомнить.

Его ласки никогда не приедались ей, хотя они были вместе уже довольно долго. Игривые замечания всегда рассеивали любую ее тоску. В последнее время только он и мог вызвать у нее улыбку, и она ценила это, зная, какая это редкость – чувствовать себя счастливой в Виллирене.

– Что тебе снилось? – спросил он.

Она вкратце пересказала ему свой сон, сделав особенный акцент на появлении в конце гаруды.

– Он пытался сказать мне что-то, но не мог. Что-то важное, как будто предназначенное специально для меня.

– Может, он хотел посоветовать тебе подбросить дровишек в огонь, – предположил Рандур, неопределенно махнув рукой куда-то в сторону очага, где лежала кучка пепла.

Она шлепнула его по груди ладонью:

– Я серьезно. У меня было такое чувство... как будто что-то не так. Очень тревожное чувство.

Она посмотрела на него; он уже перевернулся на живот и лежал, уткнувшись лицом в подушку. Двумя пальчиками она убрала прядку волос с его щеки.

– Что ты будешь сегодня делать?

– То же, что и всегда. Слоняться по замку, ждать чего-то. Может, схожу в город, посмотреть, как там дела. Хорошо бы раздобыть какую-нибудь приличную одежду.

Надо признать, что им обоим нечего было делать сейчас и обоим это угнетало. Насколько их путь в Виллирен был полон тревог и опасностей, изменивших и Эйр, и ее сестру, настолько же их пребывание в Виллирене оказалось пустым и лишенным каких бы то ни было событий. Если раньше каждый день ставил перед ними одну-единственную цель – выжить, то теперь они погрязли в политике и бюрократии, и Рандур то и дело фыркал, раздраженный обилием разговоров и отсутствием дела.

И конечно, его грызла мысль о матери, из-за которой он, собственно, и пришел когда-то в Виллджамур. Он почти не говорил о ней в последнее время, да и некогда было, столько всего происходило с ними и вокруг них, но Эйр знала, что он о ней думает. Угадывала по его неожиданным провалам в молчание.

Рандур поднял голову и посмотрел ей в лицо:

– Не надо меня жалеть. Я люблю безделье. В конце концов, нас тут кормят, я купаюсь в лучах славы, сопровождаю двух самых важных дам в империи. Да и ночные гвардейцы вроде как приняли меня за своего, когда я рассказал им о наших приключениях.

– Да? И что же ты им поведал?..

– Ну, может, и приукрасил, но совсем чуть-чуть. А как иначе – солдаты ревнивы к чужим подвигам. К тому же хорошая история им всегда больше по нутру, чем самая чистая правда.

– Вот как? Что ж, я могу замолвить словечко командующему, пусть он зачислит тебя в отряд.

– О, Бора ради! – воскликнул он. – Это еще зачем? Ты что, моя мать?

Последнее слово слишком долго висело в воздухе, и это ее расстроило.

– Вообще-то, мне и самой хотелось бы взглянуть на город. Командующий показал мне совсем немного, к тому же там, внизу, могут быть люди, которым нужна наша помощь.

– Но... ты же Джамур, – возразил Рандур. – Тебе положено сидеть здесь, заниматься государственными делами или еще чем-нибудь в таком роде.

– Знаешь, Рандур Эстеву, после тех лекций о снобизме, которые ты читал мне в Виллджамуре, я от тебя такого не ожидала.

Когда Бринд входил в комнату, в голове у него уже был план. Леди Эйр он нашел в одном из роскошных покоев, раньше принадлежавших бейлифу. Она сидела в мягком кресле, подтянув колени к подбородку, а вокруг плавал благовонный дым. Бринд подошел к ней, но она, точно замороженная, продолжала смотреть в овальное окно на гавань. Рядом с ней горела жаровня, и Бринд встал поближе, наслаждаясь исходящим от нее теплом.

– К сожалению, смотреть теперь особенно не на что, – заговорил он.

Эйр подняла голову. Она снова была в простом платье, как-то не вязавшемся в его представлении с такой могущественной семьей, к которой она принадлежала, плечи укутаны одеялом. Совсем молодая, она, однако, не выглядела уже такой юной, какой он помнил ее по Виллджамуру. Взросление обычно проявляется во взгляде: у одних он становится спокойнее, точно они примирились с судьбой, у других – тускнеет, словно от старости, и не важно, сколько им при этом лет. В устремленных на него теперь глазах Эйр было всего понемногу.

– Ваша сестра, – продолжал он, – была вчера необычайно решительна. Я никогда не видел ее такой...

– Беспощадной? – подсказала Эйр. – Она мне уже почти не сестра. Мы с ней едва понимаем друг друга в последнее время.

– И все же вы продолжаете поддерживать ее, – заметил Бринд. – Редкое постоянство в наши дни.

– Скорее, глупое. Семья, что поделаешь...

– Не окажите себе дурную услугу.

– Что мне еще остается? – В голосе Эйр прозвучала нотка отчаяния. – Скажите, вы ведь помогали мне тогда, в Виллджамуре, когда я была правительницей?

– Насколько я помню, вы тогда очень хорошо справлялись со своими обязанностями.

– А что мне делать теперь? Здесь всем заправляет Рика, вы контролируете город. Но я хочу помочь, Бринд, очень хочу. Ни я, ни Рика никуда не выходим из крепости. Дни тянутся так долго, Бринд, и я чувствую себя совершенно бесполезной.

Задумавшись над ее словами, он опустился на корточки рядом с ее креслом. Эйр пришла в Виллирен худой как щепка, зато бодрой; теперь она поправилась – на щеках снова заиграл румянец, лицо округлилось, а вот боевой дух пропал начисто. Ее детство прошло на глазах у Бринда: он видел, как она подрастала в тени отцовского безумия, проводил с ней те краткие периоды свободы, которые выдавались ему между частыми отлучками по военным или дипломатическим делам в разные концы империи. Конечно, времена тогда были совсем другие, все было проще, лучше, и все же никогда за всю ее жизнь он не видел ее такой унылой и подавленной.

– Наверное, вам стоит прогуляться и взглянуть на город, – предложил он и, в нарушение всех норм дворцового этикета, сделавшихся под влиянием ее отца его второй натурой, протянул ей руку. – Может быть, это поможет, – продолжил он. – Кто знает, возможно, там вы обретете то, чего вам так не хватает здесь. Идемте, я буду вас сопровождать.

Она вложила свою руку в его большую ладонь и встала.

Из цитадели они выехали на двух серых лошадях: он – в броском мундире ночного гвардейца, она – в неприметной, позаимствованной у кого-то из солдат форме, кутаясь в теп-

лый плащ. Кони ровным шагом топали по спуску, пока наконец под их копытами не зачавкала грязь мостовых, пар от их дыхания клубами повисал в воздухе.

Посыпал снег, но тут же перестал, сменившись мелким дождем. Артемизия давно уже говорила, что на погоду в Виллирене повлияло открытие Врат; но Бринд даже не задумывался об этом, слишком много дел у него было. Однако теперь он вдруг обратил на погоду внимание и подумал, что да, в последнее время она что-то мало походит на объявленный уже давно ледниковый период.

Пока они вдвоем оглядывали улицы, Бринд заметил, что людей в центре города теперь ненамного меньше, чем раньше, в мирное время, и что по центральной улице, ведущей к Ониксовым Крылам, как и в былые времена, спешил народ. Однако война стерла с лица земли столько зданий вокруг, что три монументальные пары крыльев доминировали теперь надо всем городским пейзажем.

Их путь лежал в сторону Альтинга, однако Бринду хотелось сделать круг и заглянуть в Старую гавань. Он считал, что Эйр полезно будет сначала увидеть районы, сильнее всего пострадавшие от боев.

Работы по восстановлению города не прекращались ни днем ни ночью. Бринд бросил на улицы Виллирена последние остатки своей армии, и теперь солдат империи можно было видеть повсюду: с молотками в руках они помогали местным жителям заколачивать досками лишенные рам окна, ломami и лопатами расчищали улицы от завалов, налаживая бесперебойный проезд транспорта. Рухнувшие дома разбирали, камни, которые еще можно было использовать для строительства, оставляли в городе, остальное грузили на телеги и вывозили за его пределы.

В руинах домов нередко находили трупы. Правда, основную массу погибших уже собрали с городских улиц и увезли на южную окраину Виллирена, где и сожгли всех разом; толпы горожан разного ранга и сословия стекались туда, чтобы вместе оплакать своих мертвых. Теперь подобные операции старались проводить на рассвете, чтобы люди не пугались и не расстраивались, видя зарево от погребальных костров на темном ночном горизонте.

Каждый раз, когда проходил слух, что где-то в развалинах скрываются недобитые вражеские солдаты – краснокожие румели или окуны, – против них немедленно бросали отряд закаленных драгун, и те выкуривали их оттуда. Бринд отдал приказ не убивать их без большой надобности; врагов, если они не особо сопротивлялись, следовало отправлять в подземные камеры, где их допрашивала Артемизия. Однако до сих пор посчастливилось захватить живыми лишь восьмерых пленников, еще семеро были убиты при попытке к бегству. И ни от одного из восьмерых так и не удалось добиться толку.

Проезжая краем Альтинга, Бринд подробно рассказывал Эйр, как организовано восстановление города, и она слушала его, не перебивая. Ему нравилось говорить с ней: во-первых, озвучивая свои планы, он сам осмыслил их более отчетливо; во-вторых, перечисляя все, что уже сделано, он радовался тому, как много они успели.

То и дело к ним приближались гражданские в лохмотьях и, жалуясь на нищету, просили денег. Попрошайки были разного возраста, от семи до семидесяти лет включительно, в основном женщины. Два раза Бринд позволил Эйр дать им несколько монет, но потом счел нужным предостеречь ее:

– Леди Эйр, в этом городе нет человека, который не лишился бы хотя бы части своего имущества, а то и всего разом. Если вы будете открывать кошелек в ответ на каждую просьбу, у вас самой скоро ничего не останется.

– О, я как-то не подумала. Простите меня, я, наверное, делаю только хуже.

– Откуда вам было знать, сколько тут отчаявшихся.

И Бринд слегка пришпорил свою лошадь, пустив ее быстрым шагом навстречу приближавшейся толпе попрошайек с протянутыми руками.

Миновав толпу гражданских, Бринд и Эйр подъехали к одному из немногих работающих иренов – огромному рынку, расположенному на относительно целой площади.

Под поздним полуденным солнцем сотни людей толкались между рядами прилавков. Пока жизнь еще не вошла в норму, прилавки стояли вперемешку: кузнечные, где плавили и перековывали в оружие или инструменты куски железа, соседствовали с портновскими, где из кусков грубой мешковины кроили и шили одежду; мешки были из армейских запахов, и на иных изделиях сквозь яркую краску проступала семиконечная джамурская звезда. Писцы предлагали всем неграмотным свои услуги, а стену, окружающую ирен, подпирали женщины – явно проститутки. С одного края вновь ожил рыбный рынок – источник продовольствия, столь необходимого жителям города.

– На первый взгляд может показаться, что здесь мало что изменилось с тех пор, как вы появились в городе, – сказал Бринд, – но это только кажется.

– Я прекрасно помню, как все было, – произнесла Эйр с непроницаемым выражением лица. Какое-то время она бесстрастно созерцала раскинувшуюся перед ними площадь, не говоря ни слова. Наконец она заговорила: – Покидая Виллджамур, я помнила лишь хорошее, что было связано в империи с правлением моего отца. Должна признать, что с тех пор наша семейная мечта претерпела значительные изменения.

– Вот не знал, что вы к ней так привязаны, – заметил Бринд.

– И я не знала, до недавнего времени. Однако нужно ведь оставаться реалисткой, как вы считаете?

– Вам довелось избежать позорной казни на стенах собственного города, добраться сюда через половину архипелага и привести с собой нашу единственную надежду на спасение. Полагаю, все это должно было научить вас трезво смотреть на вещи.

– Вы очень добры ко мне, командующий, – и всегда были добры. Мне всегда было проще разговаривать с вами, чем с любым из гвардейцев, которых приставляли ко мне и Рике. И вы не раз делом доказывали свою верность джамурской династии. И теперь, даже теперь... – Эйр взмахнула рукой, обводя ею весь рынок, – даже теперь вы создаете будущее от нашего имени.

– Поедем дальше. Вот этой дорогой – здесь есть на что взглянуть.

Иные районы пострадали от войны так сильно, что после расчистки завалов в них остались лишь остовы зданий. В кварталах, ведущих к порту Ностальжи – от которого, кстати, сохранилось только название, – не было и остовов, только полуразрушенные фундаменты, по которым можно было судить, где раньше располагались дома. Ничто больше не напоминало о том, что в этих районах когда-то обитали люди.

– Здесь шли самые кровопролитные бои, – сказал Бринд. – А еще помните, я говорил вам об огромном звере, который поднялся из земли и двинулся через город к морю?

– Так это, значит, его след, – догадалась Эйр. – Клянусь Астрид, ну и здоровый же он был.

– Своими глазами я его не видел, – признался Бринд, – а устные свидетельства очевидцев весьма разнятся. Те, кто наблюдал его непосредственно, уверяют, что это был гигантский морской моллюск, который светился и разбрасывал искры, хотя, как мне кажется, они преувеличивают. Как бы то ни было, эта тварь едва не перебила ночных гвардейцев, занятых спасательной миссией, но зато и уничтожила всех вражеских солдат, которые занимали этот сектор. В общем, можно сказать, она оказала нам услугу. Похоже, у нас здесь был могучий союзник.

– Пришедшийся неожиданно кстати, хотя... – начала Эйр и умолкла, оглядывая масштабные разрушения.

– Просто кстати, – сказал Бринд. – Все, что здесь было раньше, можно отстроить, более или менее. В конце концов, это всего лишь кирпичи и известка. А вот альтернатива появлению этого животного могла оказаться куда менее привлекательной.

Мимо них проскакали драгуны с красными плюмажами на шлемах – всего пятеро, за ними пару минут спустя проследовали другие, на этот раз куда медленнее – их лошади были запряжены в дроги. Проезжая мимо, всадники отсалютовали Бринду и выкрикнули: «Селе Джамура!» – а затем свернули в соседнюю улицу.

– Что это такое? – спросила Эйр.

Бринд подумал, прежде чем ответить:

– Давайте поедem за ними. Мне кажется, вам следует это увидеть.

И они повернули за драгунами, осторожно, как и те, огибая груды не разобранный пока мусора. Так они ехали несколько минут, пока не добрались до более или менее застроенного квартала, где на каждый десяток домов уцелел хотя бы один. Здешние, стоящие вплотную друг к другу дома в основном представляли собой безликие прямоугольные строения, деревянные двери которых, некогда ярко раскрашенные, теперь были покрыты грязью вперемешку с брызгами крови. Кое-где хозяева уже вернулись в свои жилища и отскребли двери, но из одной еще торчала впившаяся в древесину стрела. Дорога была уже расчищена, лишь в одном углу еще лежала куча обломков и мусора.

В конце квартала, куда теперь направлялись драгуны, стояло облако пыли – там совсем недавно рухнул крайний дом. Сбежались соседи; они стояли и смотрели, какой нанесен ущерб, но помощи не предлагали, так что солдатам пришлось сначала разогнать зевак, а уж потом приниматься за расчистку.

Подъехав ближе, Эйр и Бринд увидели, что обрушилась только половина дома. Пространство футов в пятнадцать шириной усыпали камни и обломки древесины, из-под которых местами торчала сломанная мебель. После войны это был не первый случай обрушения ветхого жилья и наверняка не последний.

Небо уже скрылось за облаками, а пыль полностью осела, когда драгуны углубились в нутро рухнувшего дома. Четверо солдат встали цепью и передавали друг другу из рук в руки куски каменной кладки. Эйр и Бринд спешили, подошли ближе и предложили помощь.

– Да не, командир, не надо. Мы тут скоро закончим, – ответил высокий бородастый офицер, криво усмехнувшись. – Это же наша работа.

И они с удивительным хладнокровием продолжали операцию, лишь время от времени крикая, когда приходилось кидать особенно тяжелые куски. Двое пошли по району просить помощи гражданских, но вернулись ни с чем, и тогда одного из них отрядили за солдатами.

Бринд повернулся к Эйр:

– Вот главная задача армии после войны – разбирать мусор на улицах, очищать дома, пригодные для жилья, проверять их на сохранность. Мы стараемся вести учет всех потерь, но, боюсь, наши записи не так подробны, как хотелось бы.

– Но это же дома, где жили люди. Разве можно произвести учет моральных страданий и потерь?

Он хорошо понимал, о чем она. Однако вся его жизнь была подчинена цифрам, и Бринд просто не мог позволить себе принимать во внимание все то, что не поддавалось строгому логическому учету.

Вдруг к дому подбежала растрепанная простоволосая женщина средних лет, в мешковатой грубой одежде. Бросив сумки, она закрыла лицо руками и завывала. Упав на колени напротив рухнувшего дома, она причитала:

– Мальчики мои, мальчики!

Эйр тут же подбежала к женщине и встала рядом с ней на колени. На глазах у Бринда бывшая правительница Джамурской империи обняла женщину, прижала ее к себе, а та продолжала всхлипывать, испуская громкие, отчаянные крики ей в плечо.

Наблюдая столь непосредственную реакцию девушки на человеческое горе, Бринд невольно задумался, уж не притупила ли война его собственные чувства, не лишила ли его способности сострадать. Ночные гвардейцы были совершенными солдатами, наделенными многими замечательными умениями и качествами, но готовности вовремя подставить плечо тому, кому необходимо выплакаться, среди них не значилось.

Наконец солдаты откопали тела двух пареньков и перенесли их на телегу. Их мать, которую Эйр все еще крепко держала за руки, бросилась к ним и, рыдая, ткнулась лицом в пыльную, окровавленную рубашку одного из подростков.

Не дожидаясь продолжения этой сцены, Бринд решил пройтись по улице и постучать в соседние дома.

В двух местах ему открыли, но только одна соседка знала несчастную мать достаточно, чтобы приютить ее у себя. Соседка была пожилая, но еще достаточно крепкая с виду, к тому же в своем уме, и Бринд, вложив в ее руку несколько монет общим достоинством в десять сота, велел ей позаботиться о несчастной.

Возвращаясь к руинам дома, чтобы проводить потерявшую сыновей женщину к соседке, он невольно подумал: «Если я сам стану открывать кошелек при виде каждого мертвого тела, у меня тоже скоро ничего не останется...»

Бринд и Эйр возвращались в цитадель, погружившись в задумчивое молчание. Эйр чувствовала, что ее настроение изменилось, хотя она сама не могла бы сказать, в какую именно сторону.

– Вы рады, что поехали со мной и увидели все своими глазами? – спросил наконец Бринд.

– «Рада», вероятно, не совсем подходящее слово, но я благодарна вам за все, что вы мне показали. Радуюсь я тому, что вы делаете для города – заботитесь о том, чтобы у людей были работа, хлеб и жилье.

– Я не так чуток к нуждам румелей и людей, как вы, леди Эйр. Вы прекрасно проявили себя сегодня.

– Мне кажется, человеку военному, вроде вас, не обязательно эмоционально откликаться на все, что он видит вокруг, иначе как вам справиться со всеми заботами; однако сочувствие совсем не чуждо вашему сердцу, а это главное, в чем нуждаются сейчас люди. В сочувствии.

«Как я рад, что хоть кому-то приходят в голову подобные мысли», – думал Бринд, когда внушительная громада цитадели уже показалась впереди.

– Если то, что рассказала нам Артемизия, правда, – продолжила их разговор Эйр, – и новой войны не избежать, то что будет здесь, в Виллирене?

– Простите, я вас не совсем понял, – отозвался Бринд.

– Я хочу сказать, что будет с людьми? Их снова заставят воевать?

– Многие из них пойдут воевать сами.

– А как же остальной остров – и вся остальная империя?

– Пока не могу сказать, леди Эйр. Хотя народ Артемизии может оказать нам значительную поддержку, рассчитывать надо в основном на свои силы, не важно, будет новая война или нет. Однако я подозреваю, что она все-таки будет.

– На каком фронте?

– Тут я могу лишь строить догадки, как и вы, леди Эйр. Возможно, нам придется сосредоточить все свои силы в каком-то ином углу империи, а возможно, новое нападение произойдет здесь, в Виллирене.

– Последняя просьба, – сказала она.

Сделав ей знак продолжать, он направил свою кобылу на булыжную дорогу, которая вела прямо к воротам цитадели. Взвод солдат двинулся от ворот им навстречу, но, узнав командующего, они отошли в сторону, давая им дорогу.

– Пожалуйста, не называйте меня больше леди Эйр. Какой теперь смысл в этом титуле? Просто Эйр вполне достаточно.

– Как скажете, – ответил он с улыбкой.

– Командир, – окликнул его кто-то из солдат.

Бринд повернулся и увидел бегущего к ним сержанта. Поравнявшись с ними, он протянул ему письмо.

– Принесли, пока вас не было, сэр.

Поблагодарив солдата, Бринд взял письмо и опустил его в карман.

Ночью, как обычно, на улицы Виллирена вылезли бандиты, хотя их количество и поуменьшилось после войны. Когда Бринд только прибыл в город, он нашел в нем процветающие подпольные наркопритоны, многочисленные бордели, где торговали молодыми девушками, похищенными из племен аборигенов, и черный рынок такого масштаба, что по сравнению с ним все каналы официальной имперской торговли походили на жалкие ручейки. Но тогда это не было его заботой; все свои помыслы он сосредоточил на обороне. С началом войны эта живописная часть виллиренского общества была вытеснена на обочину и забыта – как говорится, с глаз долой, из сердца вон. Однако теперь, когда в городе снова запахло большими деньгами, многие из прежних героев дня всеми силами стремились прорваться к кормушке.

Бринд выехал из крепости верхом в сопровождении двух лучников-драгун. Их путь лежал туда, где Дипинг встречался с Пустошами; несмотря на название, в недавнем прошлом это был один из самых активно развивавшихся городских районов. Ходили слухи, что там опять вершатся темные дела, однако после того письма на уме у Бринда было совсем другое.

Спешившись, Бринд привязал лошадь к железной тумбе на краю бывшей промзоны, а солдат оставил на страже – следить за темными углами. Улицы в этом районе были широкие и однообразные, с одноэтажными домишками по обе стороны, не считая одного места, где один за другим громоздились заброшенные склады. Вдоль их стен жгли свои костры бездомные, они протягивали руки к огню, чтобы согреться, пламя выхватывало из темноты их лица.

Фактория номер 54 – цифры были грубо намалеваны на больших двустворчатых дверях белой краской – стояла последней. Огромное строение напомнило Бринду рыбные склады в порту Ностальжи, где он однажды едва не погиб вместе со всей Ночной Гвардией. Только у этого была двускатная крыша, похожая на приземистую пирамиду, с украшениями поверху.

«Похоже, это оно», – подумал Бринд, приближаясь.

Трижды стукнув тыльной стороной ладони в дверь, он стал ждать, озираясь в темноте. Подождал, проследил за собакой, которая перебежала улицу и скрылась в темноте.

Наконец с той стороны двери загревели засовы, и Бринд оказался лицом к лицу с худощавым юношей лет девятнадцати-двадцати, светловолосым, коротко стриженным и улыбающимся. Ростом он был чуть пониже Бринда и носил что-то вроде комбинезона. На лице темнели пятна смазки.

И что, ради этого юнца я тащился сюда из самой цитадели?

– Ба, да это же командир ночных гвардейцев! – просиял между тем парнишка. – По глазам вижу. Хорошо сделал, что зашел. Значит, наше письмо дошло?

Ни тебе «вы», и никакого «здрасте».

– Иначе с чего бы мне быть здесь?

– Точно, точно. Да ты заходи, а то холодно. – И он попятился, давая Бринду пройти. Дверь за ним захлопнулась с глухим стуком, и парень запер ее на засов.

– Как тебя зовут? – спросил Бринд, его голос эхом отозвался в пустом пространстве.

– Дигси.

– Смешное имя.

– Так меня зовут друзья. Вообще-то, я Тронгар Диггрсен.

– Теперь понятно, почему они тебя так зовут.

– Эй, да у тебя, оказывается, есть чувство юмора. А я думал, что у тебя всегда морда тупой.

Посмотрел бы я на твою морду, повидай ты с мое.

– Веди, Дигси, – сказал Бринд вслух. – Мне не терпится посмотреть, из-за чего сыр-бор, и убедиться, что я не зря тащился сюда через весь город.

– Точно. – Дигси повернулся к нему спиной и пошел по темному гулкому коридору. Самому Бринду с его усиленным зрением темнота была не помеха, но вот как Дигси ориентировался при полном отсутствии света, оставалось для него загадкой. Не иначе как по памяти.

Странно, почему такой молодой человек занимает целую фабрику? Он что, живет здесь? В помещении пахло, как в кузнечной мастерской, углем и горячим металлом. А еще здесь присутствовал характерный культистский душок, безошибочно узнаваемый кисловатый запах, как везде, где люди мешаются в дела, которых им лучше не касаться.

– И давно ты тут работаешь? – спросил провожатого Бринд.

– Хороший вопрос. До войны еще, если ты об этом. Отец Пилли когда-то занимался рудой, и она прознала, что этот его склад – как и многие другие, кстати, – стоит заброшенный. Пилли – правильная девочка, не то что ее папаша, вот склад и стал нашей штаб-квартирой.

– Штаб-квартирой? Так, значит, у вас официальный орден?

– Ха, еще чего. Как бы не так. Мы вообще не любим путаться с культистами. По мне, так шли бы они знаешь куда? Вместе со своими структурами, этикетками и прочей дрянью. Все это не для нас – мы живем по своим правилам, своей командой.

– И сколько же вас в этой... команде? – Бринд чувствовал нарастающий абсурд ситуации. Манера этого Дигси говорить, его замашки, небрежность и, главное, упоминания об этой самой команде подсказывали ему, что он зря потратил время.

– Смотря когда. В войну мы потеряли одного из наших. Раньше брали сезонных, но с год назад это дело заглохло. Упс, осторожно, здесь угол острый.

– Я вижу. А вы, значит, в войне участвовать отказались? – спросил Бринд. – С нами бок о бок сражались люди и помоложе. – Они свернули налево, в узкий коридор, и продолжали идти, время от времени шаркая подошвами по гладкому камню.

– Честно говоря, мы были слишком заняты. Звучит неубедительно, да? Но я серьезно, вот ты увидишь, что мы сделали, и сам все поймешь.

Голос Дигси вдруг стал неожиданно громким. Они вошли в просторное помещение, где было больше света, а в его дальнем конце оживленно разговаривали и смеялись. Бринд почувствовал запах арума, смешанный с ароматами жареного мяса. Людей в дальнем конце комнаты было то ли четверо, то ли пятеро, и они обернулись в сторону входа, услышав знакомый голос.

Дигси повернулся к Бринду, широко развел руками и улыбнулся:

– Добро пожаловать в Факторию пятьдесят четыре. Думаю, тебе понравится.

Бринд повернулся кругом, осматриваясь. На всех стенах висели какие-то двуногие штуквины, они же болтались на потолочных балках – куклы из хлама, похожие на пове-

шенных людей. Металл и плоть соединялись в них еще с каким-то материалом, кожаные доспехи покрывали их, внизу под каждым лежало что-то вроде массивного подноса.

– Бором клянусь...

– А, это еще чепуха, – сказала рыжеволосая девушка с аккуратной фигуркой и веснушчатым лицом. – Это все барахло, оно не работает. Мы давно с ними бьемся, но жизнь – хитрая штука, сделать ее руками не так-то просто. Верно, Дигси?

Бринд не сводил с нее и Дигси глаз. Судя по взгляду, который девушка бросила на пареньку, между этими двумя определенно что-то было.

Бринд шагнул к подносам, в которых оказалась налита пугающего вида коричневая жидкость.

– Не дадите огня? Я хочу разглядеть здесь все как следует.

Раздался чей-то смех.

– Не стоит, шеф, – сказал Дигси. – Поднеси хотя бы искру к этой дряни, и завтракать будем на том свете.

Пришлось Бринду осматриваться, полагаясь лишь на свое усиленное зрение. Помещение было громадным, а значит, все эти висячие штуковины тоже были куда больше, чем ему показалось сначала. Он сделал шаг назад, фокусируясь на их невыразительных лицах, если их, конечно, можно было так назвать. Сморщенные, пересеченные складками и стежками в разных местах, они больше походили на старые измятые мешки. На иных виднелись открытые раны, засохшие и почерневшие. В общем, то еще зрелище. Не будь они такими комичными, он счел бы столь точное подражание природе людей и румелей нарушением этических законов.

– Где вы их взяли? – спросил наконец Бринд.

– Сделали, разумеется, – сказала рыжеволосая, подходя к нему поближе. – Хотя некоторых воскресили.

Бринд спросил, как ее зовут.

– Джеза, – ответила та беспечно.

– Это ты написала письмо?

Она скромно кивнула.

– Полагаю, мое имя вам известно? Я командующий Бринд Латрея, старший среди ночных гвардейцев. Мне же подчиняются вооруженные силы, которым принадлежит сейчас власть в городе.

– Да, это мы поняли, – откликнулся кто-то из юнцов.

Со стороны Бринда это была попытка придать своему присутствию веса, но на них она, похоже, не действовала.

– Дайте-ка я соображу, кто вы такие: вроде культистов, верно? Пользуетесь старыми знаниями на новый лад, так?

– Ну, более или менее, хотя культистов мы недолюбливаем, – сообщила Джеза. – Мы, конечно, ведем дела и с ними, но они такие недотроги и говорят так напыщенно, точно каждое их слово – пророчество. Просто смешно!

– Значит, вы пользуетесь их технологиями, – сделал вывод Бринд. – Иными словами, все, что я здесь вижу, произведено при помощи каких-то реликвий.

– И да и нет, – ответила Джеза. – Мы используем целый набор технологий – в основном, конечно, реликвии, плюс еще кое-какие аборигенские штучки и палеомансия, без которой не обойтись в создании живых тварей.

– Вряд ли командующему интересны такие подробности, – вмешался Дигси.

– Конечно интересны, – отрезала она. – Сам подумай.

– Что с тобой сегодня такое? – тихо упрекнул ее Дигси.

– Он же должен нам доверять, – сказала девушка и снова повернулась к Бринду. От его внимания не укрылся внутренний конфликт, отразившийся на ее лице. – Правда, командующий?

– Все зависит от того, для чего вам нужно мое доверие.

Джеза взяла его под руку без церемоний, точно старого знакомого, и повела вдоль рядов конструкторов в дальний полутемный угол. Резкие тени, лежавшие на лицах кукол, не делали их краше, но Бринд невольно поймал себя на том, что гадает, как бы они выглядели на поле боя.

– Значит, эти штуки не действуют? – уточнил он.

– Если вы имеете в виду, шевелятся ли они, как живые, то нет. Правда, в соседнем зале у нас есть несколько штук, которые двигаются, но на сегодня вам достаточно и этого. Вы же видите потенциал?

– Разумеется. Но ты что-то говорила о стоящих за ними технологиях...

– Да, мы работаем на стыке знаний племенных культур и культистской науки. Настоящие культисты никогда не вторгались в эту область, – по крайней мере, нам ничего об этом не известно. Они занимаются соединением фрагментов научных знаний с технологическими навыками, которые поколениями передаются из уст в уста. Они слишком самодовольны и не видят дальше своего носа, а ведь у местных племен полно всяких интересных и действенных навыков, на которые никто не обращает внимания. Их просто объявляют колдовством, и точка.

– Ты меня заинтриговала, – признался Бринд.

– Нам просто повезло, что Лим был с нами.

– А кто он такой, этот Лим?

Джеза вздохнула:

– Он погиб во время войны. Вот кто был настоящим знатоком племенного фольклора. Он сам был с Варлтунга, и нас приохотил к изучению их знания.

– Так он не был гражданином империи? Как же он попал сюда?

– Он сбежал из дому, в одиночку перебрался через море, выучил языки. Короче, все далось ему с трудом. На Варлтунге тоже есть культисты, знаешь?

– Нет, – честно сознался Бринд.

– Так вот, они там есть. В общем, Лим знал такие штуки, о которых мы не имели понятия. А он достаточно говорил по-джамурски, чтобы объяснить нам свои открытия.

Любопытство Бринда разыгралось не на шутку. Он решил, что стоит потратить на этих юнцов еще немного времени.

– Значит, вы с ним тут встретились. Он перебрался в Виллирен...

– Да, потому что начинать легче всего там, где никого особенно не интересует, что ты делаешь, – подхватила Джеза. – Никто нас здесь не доставал. Никто не обращал на нас никакого внимания.

Бринд кивком велел ей продолжать.

– Я внимательно тебя слушаю.

Девушка оглянулась на своих товарищей, которые уже подобрались ближе, чтобы поучаствовать в разговоре.

– В общем, мы, можно сказать, нашли друг друга. Мы ведь все здесь потеряшки – провалились в дыры существующего общества: у одних умерли родители, других выкинули из дому, третьи сбежали сами. В таких обстоятельствах взрослеть приходится быстро.

– Ну, вы, судя по всему, неплохо о себе позаботились, – заметил Бринд. – Правда, одного я не пойму: как кучка беспризорников ухитрилась завладеть технологиями культистов.

Дигси засмеялся. Кто-то покачал головой. Джеза сказала:

– Ты мало знаешь о культистах, командир.

– В смысле?

– Ты, наверное, думаешь, что они все такие умные, почтенные, уважаемые. Вряд ли тебе приходило в голову, что в некоторые ордена принимают детей.

– Да нет, я об этом слышал.

– А о группах тестирования ты слышал? О культистах, которые заманивают к себе ребятишек, обещая им золотые горы, а сами запирают их в комнатах без окон? А на свет выводят только затем, чтобы испытать на них очередную технологию или удовлетворить с ними свою похоть?

Наступила пауза, во время которой Бринд думал не столько над словами, сколько над тоном, которым говорила Джеза. Казалось, прошлое ее нисколько не волновало.

– Прошу прощения, – сказал он наконец. *Крепкие ребята...*

– Ничего страшного, командир, – отозвался Дигси. – Мы везунчики. Нам удалось разжиться кое-какими знаниями, и мы, скооперировавшись, сделали оттуда ноги. Другие-то еще там, где их каждый день бьют, а то и похуже издеваются. А мы выбрались, держимся вместе и пользуемся тем, что имеем, – знанием реликвий.

– И самими реликвиями, которые мы украли при побеге, – добавила Джеза.

– Верно, – подтвердил Дигси с грустной улыбкой.

Ребята были по-своему очаровательные – и парни, и девушки. К тому же все в жизни досталось им нелегким путем, уже одно это говорило в их пользу.

– Так поделитесь со мной подробностями того, чего вы тут достигли, – предложил Бринд. – Мне надо знать, что такого особенного в вашей работе.

Джеза рассказала ему, как могла. Культисты в таких случаях обычно пользовались заумным профессиональным жаргоном, она же объяснила все просто. Лим умел проводить ритуалы с реликвиями – как остатками древних технологий, так и драгоценными кристаллами и аборигенным снаряжением, которое он привез с собой с Варлтунга. На его острове обитали племена, жители уединенных горных долин, которые поклонялись таким штукам вдали от всякой цивилизации. Подключение источников энергии помогало оживлять мертвые клетки: разрозненные части тел начинали буквально искриться жизнью. Джеза называла это искусство палеомансией. Тут остальные стали наперебой добавлять красочные подробности и приводить примеры, чтобы объяснить эту науку оживления. Бринд понял, что он окончательно запутался и что культистское знание ему не по зубам.

– Скажите мне просто: что вы можете предложить военным? – спросил Бринд.

– Я же написала вам: мы работаем над вещью, которую вы сможете использовать на поле боя, только она пока в стадии разработки.

– Покажите мне, что это.

Джеза кивнула и скользнула в дальний угол комнаты, где принялась рыться на полках. Минуту спустя она вернулась с какой-то черной пластинкой в руках, которую передала Бринду. Тот принялся внимательно ее рассматривать.

Пластинка была размером с тарелку, в полдюйма толщиной, гладкая с одной стороны и слегка изогнутая. Он пробовал ее согнуть – не вышло, попытался сильнее – та упорно не меняла своей формы.

– Что это такое? – спросил он.

– Это материал, который мы изготовили. Он крепкий и прочный, весит значительно легче куска железа аналогичных размеров, но это еще не все. Мы можем сделать из него доспехи. Уже почти сделали.

Двое отправились принести еще дешевого вина, которое хранилось у них на холоде. Остальные усадили Бринда на перевернутые ящики и сами устроились вокруг, попивая вино

из деревянных стаканчиков. Сначала они, правда, предложили ему гамак, которых у них было много, но он вежливо отказался.

– Вы не были на войне, – заговорил Бринд, – так что же теперь заставило вас обратиться к властям?

– Мы слышали, что тебе нужны новые люди, – ответил Дигси. – Видели плакаты, которые ты расклеил по всему городу. Вот и решили, что можем оказаться как раз теми, кто тебе нужен.

– Да, ко...

– Но это будет стоить тебе денег, – ровным голосом произнесла Джеза. – Мы слышали, что банкиры спят и видят, как бы всучить армии побольше монет. Так что, если за наше сотрудничество с тобой мы получим некоторую часть, все будут довольны. Такие деньги обеспечат нам будущее. В этом ведь нет ничего плохого, правда?

Да, эти ребяташки, хотя и молоды, определенно неглупы. Бринд глотнул вина и поморщился. Одна из девушек – кажется, Пилли – усмехнулась и сказала, что их выпивка никому не по вкусу.

– Конечно, если ты предпочитаешь, чтобы мы продали наш товар кому-нибудь другому... – начала Джеза.

– Нет, – перебил ее Бринд, – в этом нет необходимости. Контракт мы подпишем, я уверен. Но сначала я должен увидеть, что у вас есть, а еще мне нужны гарантии. Вы ведь куда моложе всех, с кем я обычно имею дело.

– Молодость еще не означает ненадежность, – заявил Дигси.

– Что ж, показать можно, – сказала Джеза. И тут же заметила Дигси: – Вот видишь, я же говорила, нас никто не примет всерьез.

– Я не это имел в виду, – возразил Бринд. – Просто то, чем вы занимаетесь, вещь непроверенная и противоестественная, и, честно говоря, я пока не уверен, что ее можно поставить на службу армии. Вот, к примеру, можете вы ответить на кое-какие мои вопросы?

– Смотря какие, – сказал Дигси. – Нам ведь тоже нужны гарантии того, что вы заинтересуетесь, прежде чем продолжать.

– Мне нужны разные технические детали, – продолжил Бринд, – но вам следует знать, что я заинтересован и что деньги не проблема. – Поставив свой стакан на пол, Бринд встал. – Надеюсь, что скоро у вас будет возможность угощать своих гостей более приличным вином. – Он улыбнулся и протянул Джезе руку. Она взглянула на него с таким изумлением, словно не ожидала, что он примет их всерьез. – Напиши мне снова, когда у вас будет что-то готовое для проверки.

Она ответила ему рукопожатием:

– Хорошо, через денек-другой ждите. Уверена, вы не пожалеете.

Уезжая в сопровождении драгун обратно, Бринд вдруг понял, что впервые в жизни встретил людей, которых не поразил цвет его кожи.

Глава шестая

День спустя Бринд с Рандуром Эстеву ехали на юг: он – на своей кобыле, а его спутник – на норовистом сером жеребчике, который едва слушался повода.

Послеполуденное солнце уже клонилось к закату, оставляя на изнанке облаков маслянистый росчерк.

Дорога в город была запружена жилистыми рабочими лошадами и быками. Животные со скучным видом месили грязь, волоча за собой кто огромные поваленные деревья на лесопилки, кто глыбы камня к мастерским каменотесов. Возницы торопились попасть в город еще до захода солнца.

– Хороший знак, молодой Рандур, – окликнул спутника Бринд, показывая на непрерывный поток тягловых животных, двигавшийся им навстречу. – Это строительные материалы новой эры. Город будет отстроен заново. Это придает мне надежду.

– Что ж, не хочу тебя обижать, – отозвался Рандур, – но что угодно предпочтительнее той кучи сараев, которую представлял собой Виллирен сравнительно недавно.

– Вижу, ты пока не в духе. – Бринд придержал свою лошадь, заставив ее идти шагом, чтобы попить воды и полюбоваться на людей, идущих со своими животными в город. – Может, дальше будет лучше, ведь путь нам предстоит неблизкий. К тому же я надеялся, что свежий воздух рассеет твою хандру, ты ведь человек сельский, привык дышать полной грудью.

– Как же, рассеет, держи карман шире. Здесь холодно, к тому же я голоден, если хочешь знать.

Бринд усмехнулся и ничего не ответил.

– Что смешного? – спросил Рандур. – Я сказал что-то забавное? Слушай, парень, не всем ведь так повезло не чувствовать больше ни голода, ни холода.

– Извини. Просто ты напомнил мне одного старого товарища, – сказал Бринд. – Мы с ним были закадычными друзьями, и он так же любил поворчать, как ты.

– Я не всегда был таким, сказать по правде. Не слишком много времени прошло с тех пор, как я был беззаботен и нуждался лишь в приличной еде да женском обществе. А что с ним стряслось, с твоим другом?

– Он умер.

– О. Мне жаль это слышать. Его убили здесь, в Виллирене?

– Нет, еще раньше, по пути сюда, – поведал Бринд. – Мы тогда в первый раз столкнулись с окунами – их разведывательный отряд против двух сотен лучших сабель империи. Мой друг получил смертельную рану, но успел установить достаточно реликвий, чтобы они взорвали лед и обеспечили наше отступление. Он спас Ночную Гвардию и еще много хороших солдат, это благодаря ему мы смогли достичь Виллирена и организовать оборону города. Думаю, что, если бы не он, Виллирена могло бы сейчас не быть. Так что он был парень что надо. Хотя любил поворчать и был зол на язык, вроде тебя, а уж от работы бегал как никто. Тоже вроде тебя.

– Эй, поосторожнее, я свое отпахал, – проворчал Рандур. – Я спас от казни Эйр, а с ней и твою очаровательную императрицу Риду. Вытащил их прямо из-под носа Уртики и привел сюда. Кажется, я заслужил отдых. Особенно от этой бабы, Рики. Теперь твоя очередь терпеть ее капризы.

– Кстати, – воспользовался случаем Бринд, – с ней что-нибудь случилось по пути в Виллирен? Она сильно изменилась за последнее время. Похоже, на вашу долю выпало немало приключений. Потрясения иногда меняют человека...

– То есть ты хочешь знать, с чего это она вдруг превратилась в такую злую стерву, да? Честно говоря, я и сам не знаю. Она всегда была занудой, с тех самых пор, когда я увидел ее впервые, но раньше в ней была хоть какая-то нежность. А теперь... Глаза у нее блестят, как никогда раньше. Кажется, в ее сердце закралась какая-то гниль. Она больше не послушная девочка, не покорная бывшая монахиня. Она изменилась после встречи с Артемизией. Наверное, тебе рассказали, что мы были на ее корабле?

– Да, Рика и Эйр говорили мне об этом. Летучий корабль – удивительное зрелище.

– Смехотворное, и ничего больше, а вот летучие обезьяны были правда уморительны. На этом корабле она и изменилась. Не хочу сказать, что это дело рук Артемизии, но только Рика с самого начала смотрела на эту воинственную бабу как на бога. Стоило той появиться, и Рика раззявила варежку от восторга и никогда уже не сомневалась в ее словах и поступках, не то что мы с Эйр. А потом – вот тут-то и начинается самое странное – они с Артемизией провели в одной комнате ночь. Мы слышали стоны, но не могли понять, чем они там заняты... – Он поднял брови и взглянул на Бринда. – Короче, они там отрывались.

– Спасибо, я и так все понял, – сказал Бринд. – То есть ты ничего наверняка не знаешь? А ведь это многое меняет.

– Старый извращенец внутри меня предпочел бы, чтобы они это самое... ну, просто чтобы чуток расслабить Рику. Но, честно говоря, я не совсем уверен. Она могла стонать от удовольствия, а могла и от боли.

– Что было потом?

– А потом Рика вдруг стала крутой. Сначала я обрадовался, – по крайней мере, она перестала быть бесполезной мямлей, и, кстати, ведь все стало происходить очень быстро. – Рандур вздохнул. – Я не сомневаюсь, что мы поступаем правильно, доверяя Артемизии, – я видел то, что я видел, своими двумя клинками она спасла наши задницы от расправы. Но Рика стала совсем другим человеком. Остается только надеяться...

Бринд молчал, рассчитывая, что Рандур продолжит говорить. Поднимался ветер, он неся по голой равнине.

Рандур откинул с лица длинную вьющуюся прядь и сверкнул белозубой улыбкой.

– Ты спас этот город от уничтожения, так что вряд ли тебе теперь хочется отдавать бразды правления в нем такой суке, как Рика.

Бринд фыркнул:

– Постарайся проявлять больше уважения, когда говоришь о той, за кем идут в будущее люди.

– Проблема в том, – отвечал Рандур, – что она сама не очень-то уважает этих людей.

Они ехали еще около часа, пока дорога наконец не сошла на нет, превратившись в грязную тропу. Городские огни растаяли вдали, а обступившие их со всех сторон молчание и темнота стали как-то особенно ощутимы. Звезды светили ярче, температура стремительно падала. Вскоре они уже не слышали ничего, кроме глухого перестука копыт и лошадиного дыхания.

Они ехали восточным краем Ведымина леса, вверх по пологому длинному склону, которому, казалось, не было конца. Даже в поздний час света одной луны было достаточно, чтобы убедиться: за последние несколько дней здесь не проходил человек и не пробегал зверь. Там, где снегу было особенно много, лошади сбавляли шаг; Бринд не понукал их, боясь, как бы они не повредили себе ноги в незнакомом месте. Берег моря остался уже далеко позади, когда на небе вдруг за клубились тучи, заслонив звезды, и Бринд почуял запах дыма от костров.

Наконец-то...

Натянув поводья своей кобылы, он спешил и привязал ее к обломанному пню.

Рандур последовал его примеру и вскоре уже стоял на земле рядом с ним.

– Мы приехали? – спросил он. – Где они должны быть? Я ничего не вижу, только снег да пеньки какие-то.

– Мы еще не на самой вершине. Я хочу потихоньку подняться туда пешком, потому что я слышу их на той стороне холма.

– Зато я ничего не слышу, – пожаловался Рандур.

Бринд, не обращая на него внимания, двинулся вверх по склону. Замерзшая земля наверху отвердела, как камень. Начинался дождь – сначала мелкий, потом капли стали крупнее. «Дождь, – отметил про себя Бринд, – а не снег».

– Черт меня побери! – буркнул Рандур, натягивая капюшон. – Понять не могу, почему нельзя было доехать на лошадях до самого верха.

– Хотя мы здесь с дружеским визитом, нам все-таки надо взглянуть, из какого они теста, – объяснил Бринд, тоже натягивая капюшон. – Надо посмотреть, сколько их, оценить, на что они способны. А для этого нам прежде всего надо заткнуться.

Несколько минут Бринд шел вверх по склону. Он то и дело озирался, высматривая разведчиков, но никого не заметил. Он почувствовал раздражение от того, что пришельцы не охраняют границы своего лагеря.

Рандур неохотно плелся за ним вслед и вдруг зашептал:

– Эй, я, кажется, тоже что-то слышу. А ты видишь что-нибудь?

Бринд уже выходил на вершину холма, и сцена в долине медленно разворачивалась у него под ногами.

Белые конусы юрт и темные пирамидки палаток аккуратными рядами уходили к горизонту. Между ними на равных интервалах друг от друга, на перекрестьях палаточных «улиц», горели в огромных круглых котлах огни. Их свет иногда выхватывал из окружающего полумрака причудливые движущиеся фигуры.

Ветер шевелил тяжелые знамена с обтрепанными краями, экзотическими эмблемами и причудливыми фигурами и украшениями. На кухонных кострах готовили мясо. Пряности, с которыми его варили, были незнакомы Бринду, но он даже с такого расстояния чувствовал их аромат. И на всей огромной территории лагеря люди, румели и представители других сходных форм жизни либо сидели у костров, либо замирали по стойке смирно, когда к ним обращался старший по званию. Опытным взглядом полководца Бринд оценил раскинувшееся перед ним расположение в двадцать-тридцать тысяч воинов, и Бор знает, сколько еще их было за горизонтом. На одних сверкали доспехи, другие были укрыты темными плащами, однако Бринда поразило одно – их сходство с людьми из его мира. Даже одежда у них была не намного причудливее той, что можно повстречать в отдаленных уголках Бореальского архипелага, – факт, который одновременно и взволновал его, и утешил. Два абсолютно разных мира обладали сходными характеристиками, как если бы в их основе лежала некая общая сущность. И это подтверждало ту версию истории, которую принесла с собой Артемизия: их миры были двоюродными братьями в культурном отношении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.